

В. С. ДЯКИН

СТОЛЫПИН И ДВОРЯНСТВО

(Провал местной реформы)

Есть в истории России периоды, к которым исследователи обращались и будут обращаться неоднократно, изучая различные явления, составляющие их содержание, одни и те же события под разными углами зрения. К числу таких отрезков времени, привлекающих внимание своей важностью для понимания всего исторического развития страны, принадлежит безусловно «„столыпинский“ период русской истории»,¹ как назвал 1907—1911 гг. В. И. Ленин.

⁵¹ Николай II — великому князю Сергею Александровичу, 18 февраля 1897 г. ЦГАОР СССР, ф. 648, оп. 1, д. 71, л. 17—17 об.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 332.

В советской науке нет разногласий в принципиальной оценке этого этапа истории России. Это были годы контрреволюции, когда торжествующая реакция стремилась выхолостить и ликвидировать завоевания 1905—1906 гг., а побежденный, но не сломленный пролетариат копил силы для новых революционных выступлений, годы, когда русский либерализм, бессильный и остановить реакцию, и предотвратить революцию, тщетно искал выход из того исторического тупика, в который загнал его объективный процесс развития действительности.

Ныне можно считать почти преодоленной упрощенную схему, игнорировавшую противоречия между самодержавно-крепостническим и буржуазным лагерями и предпочитавшую вообще не упоминать о существовании в предреволюционной России трех социальных и политических лагерей. Но исторический анализ событий не может остановиться и на этом. Необходимо исследовать расстановку сил внутри каждого из этих лагерей, выявить присущие им внутренние противоречия, нарисовать картину политической истории России во всей ее сложности. И вот здесь-то между различными исследователями возникают разногласия.

Попытка царизма решить сверху объективные задачи буржуазной революции и тем упрочить свою социальную базу потерпела крах. Бонапартистский курс лавирования между крепостниками-помещиками и буржуазией не удался. В чем причина этой неудачи? А. Я. Аврех, перу которого принадлежат новейшие и самые значительные в нашей литературе работы, посвященные «стольпинскому периоду», дает на этот вопрос следующий ответ: причина в сохранении после 1907 г. революционной ситуации в стране, в результате чего «в 60-е годы царизм мог дать „реформы“, а в третьейиюньский период он не мог их дать. Хотел, но не мог».²

Если иметь в виду коренные реформы, круто поворачивающие развитие политического строя по буржуазно-конституционному пути, то действительно подобных реформ царизм дать не мог, ибо их осуществление привело бы в движение такие силы, которые неминуемо смели бы все здание романовской монархии. Но коренные реформы царизм проводить и не хотел. Речь шла о другом. Говоря о возможности сделки царизма и буржуазии на пути компромиссов, В. И. Ленин подчеркивал: «Путь „реформ“ на данной политической почве и при данном соотношении сил означает не улучшение положения масс, не расширение свободы, а бюрократическую регламентацию несвободы и порабощения масс... Разве Наполеон III и Бисмарк не сумели удовлетворить на время аппетиты крупной буржуазии? Разве своими „реформами“ они не затащили на долгие годы петлю на шее трудящихся масс? Какие же основания думать, что русское правительство

² А. Я. Аврех. Столыпин и Третья дума. М., 1968, с. 510—511.

в своей сделке с буржуазией способно согласиться па иного рода реформы».³

Программа этого рода реформ была намечена в правительственной декларации Столыпина 24 августа 1906 г. Декларация открывалась угрозами беспощадной расправы с революционным движением, для чего создавались ускоренные военно-полевые суды. В то же время она содержала обещание целого ряда реформ. В качестве совершенно неотложных мер, для проведения которых правительство не считало возможным дожидаться созыва II Думы, были названы аграрная реформа, осуществление уже предпринятых в манифесте о веротерпимости мер по облегчению положения старообрядцев, снятие части ограничений в правах евреев и введение широкой системы начального образования. Для дальнейшей законодательной деятельности Думы намечалась программа из 12 пунктов: свобода вероисповедания, неприкосновенность личности и гражданское равноправие, улучшение крестьянского землевладения, улучшение быта рабочих (в частности, государственное страхование), введение земского и городского самоуправления в Польше, введение земского самоуправления в Прибалтийском, Северо-Западном и Юго-Западном краях, преобразование местных судов, реформа средней и высшей школы, подоходный налог, реформа полиции, пересмотр законов о мерах исключительной охраны; пятым в программе стоял пункт «о реформе местного управления, которое предполагается организовать таким образом, чтобы губернские и уездные административные учреждения были поставлены в непосредственную связь с преобразованными органами самоуправления, включающими и мелкую земскую единицу».⁴

Составленная в общих словах для того, чтобы иметь возможность маневрировать при разработке конкретных законопроектов, программа включала в себя меры, которые Столыпин действительно хотел провести в жизнь. Полгода спустя, когда первые шаги правительства натолкнулись на сопротивление справа, Столыпин в не предназначенной для обнародования записке, хранившейся до самой его смерти в ящике письменного стола, следующим образом сформулировал кредо, с которым он начинал свою деятельность: «Реформы во время революции необходимы, так как революция породила в большой мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствие, а не причину: залечим язву, но пораженная кровь породит новые изъязвления. К тому же этот путь реформ торжественно возвещен, создана Государственная дума, и идти назад нельзя. Это было бы и роковой ошибкой — там, где правительство побеждало революцию (Прус-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 170—171.

⁴ Новое время, 25 августа 1906 г., № 10937.

сия, Австрия), оно успевало не исключительно физическою силою, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия — призвание бессилия правящей власти».⁵

Однако, за исключением аграрной реформы и облегчения правового положения старообрядцев, проведенных в порядке чрезвычайного законодательства по статье 87-й Основных законов, ни один из пунктов столыпинской программы не был реализован (страхование рабочих было введено уже после его смерти). При этом каждая попытка Столыпина осуществить свою программу встречалась справа в штыки и сразу или постепенно пресеклась.

Что лежало в основе этого сопротивления? Этот вопрос, естественно, должен был встать перед А. Я. Аврехом, который и сформулировал проблему с присущей ему четкостью: «Какую угрозу политическому всевластью царизма мог, например, таить законопроект о старообрядческих общинах, внесенный правительством, принятый Думой и отвергнутый затем Государственным советом? Какую угрозу царизму содержали еще два аналогичных вероисповедных законопроекта, которые постигла та же судьба, — законопроекты о добровольном снятии сана и о переходе из одного вероисповедного состояния в другое? Точно так же абсолютно не затрагивали и не могли затронуть власти царизма невероятно куцые реформы о местном суде, поселковом управлении, волостном земстве, распространении земского положения 1892 года на неземские губернии и т. п. ... Были ли перечисленные проекты реформ более угрожающими в смысле покушения на „историческую власть“, чем уже реально существующая III Дума? Конечно, нет».⁶

Но если так, то почему же правые, которые, по мнению А. Я. Авреха, поняли невозможность возвращения к прежнему государственному строю, для которых «мысль о невозможности обойтись без Думы после революции 1905—1907 гг. приобрела уже прочность аксиомы»,⁷ которые, подобно буржуазии, «были искренними сторонниками конституционного строя как такового»,⁸ сопротивлялись реформам действительно менее существенным, чем создание законодательной Думы? Почему они считали,

⁵ Замечания по записке группы крайней правой Государственного совета. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1907 г., д. 5-а, ч. 3, л. 150. «Замечания» написаны рукой Столыпина и датируются по содержанию документа, ответом на который являются Авторство Столыпина подтверждается сопроводительным письмом секретаря Департамента общих дел МВД и списком бумаг, найденных в кабинете Столыпина после его смерти. Там же, оп. 194, 1911 г., д. 58, л. 6—7.

⁶ А. Я. Аврех. Ленский расстрел и кризис третьиюньской системы. — Вопросы истории, 1962, № 4, с. 68—69.

⁷ А. Я. Аврех. Столыпин и Третья дума, с. 300.

⁸ Там же, с. 301.

что создание законодательной Думы не вызовет революцию, а организация волостного земства ее вызовет?

Здесь прежде всего надо помнить, что перспектива революции, которой либералы и крепостники пугали друг друга, казалась и тем и другим значительно более отдаленной, чем она оказалась на деле. Крики о революции были для крайне правых демагогическим приемом, позволяющим провалить неугодные им меры; например, октябристский законопроект о начальных училищах был объявлен «новым звеном в той революционной цепи, которую куют на Россию гг. фон Анреп, Ключев, Ковалевский и предводитель дворянства кн. Куракин».⁹ Больше всех разглагольствовавший о неизбежности революции как следствия октябристских и даже правительственных законопроектов Н. Е. Марков 2-й признавался в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (где он в отличие от большинства допрашиваемых не юлил, а вызывающе отстаивал свои черносотенные позиции): «Революция я не мог предвидеть и не предвидел, но смену министров и возможность появления враждебных людей я всегда имел в виду».¹⁰ Вот это-то появление враждебных или просто нежелательных Маркову и ему подобным лиц и законопроектов правые и объявляли «революцией».

Странным образом А. Я. Аврех ставит в приведенных выше рассуждениях знак равенства между интересами царизма, стоявшего в известной мере над обоими элементами третьейюльской системы (т. е. и над поместным дворянством), и интересами помещиков. Но суть дела заключалась как раз в наличии известных противоречий между царизмом и поместным дворянством из-за перехода царизма к бонапартистской политике. В. И. Ленин многократно подчеркивал, что «классовый характер царской монархии нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и „бюрократии“, от Николая II до любого урядника».¹¹ Как ни тесны были узы между царизмом и поместным дворянством, в недрах царской бюрократии могли при критической ситуации возникать проекты спасения самодержавия даже ценой интересов помещиков. В этом был смысл «крестьянского цезаризма» Витте, который в 1906 г. не только пытался сделать ставку на мужика при выборах в I Думу, но и готов был пойти на отчуждение помещичьих земель в пользу крестьян. Идея «принудительного отчуждения», как известно, не пугала и Д. Ф. Трепова.

Осуществление бонапартистского курса, проводником которого был кабинет Столыпина, тоже означало ослабление политических

⁹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Ч. I. СПб., 1911, стб. 1993.

¹⁰ Падение царского режима. Т. 6. М.—Л., 1926, с. 183.

¹¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 21, с. 32.

позиций крепостников-помещиков, а в аграрном вопросе — готовность определенных элементов в бюрократии пожертвовать частью позиций дворянства ради создания для царизма новой опоры в лице кулака. В 1906 г. под страхом революции даже крайние представители дворянской реакции действительно говорили о невозможности возврата к дореволюционному строю. К этому времени и относятся приводимые А. Я. Аврехом в защиту своей концепции высказывания Горемыкина и Балашова в пользу законодательной Думы.¹² Тогда же Совет объединенного дворянства стал торопить с осуществлением удара по крестьянской общине, которая еще так недавно считалась необходимой опорой самодержавия.

Но уже в 1907 г. положение стало меняться. Бонапартистская политика царизма стала встречать сопротивление легитимистско-крепостнических элементов дворянства, которое, теряя свои экономические позиции, тем упорнее не хотело поступаться ни одной своих политических привилегий и своего влияния на правительственный аппарат. А. Я. Аврех полагает, будто «мастодонты абсолютизма», ранее вынужденные «смириться с бонапартистским курсом», выступили против Столыпина тогда, когда убедились в неудаче этого курса и «вспомнили о старом монархическом знамени, чтобы сделать его оружием против обанкротившегося премьерера».¹³ В действительности легитимистские элементы камарильи, защищавшие интересы крепостников-помещиков и никогда не забывавшие о «старом монархическом знамени», выступали именно против осуществления бонапартистского курса. Поэтому один из лидеров камарильи граф С. Д. Шереметев выражал недовольство недостаточной кардинальностью третьейиюньского переворота и тем, что «мы продолжаем цепко держаться почвы 17 октября».¹⁴ Поэтому уже в январе 1908 г. (о чем речь будет идти дальше) не отдельные представители реакции, а большинство московского губернского дворянского собрания приняло адрес, в котором рекомендовало царю лишить Думу законодательных прав. Поэтому упоминаемые А. Я. Аврехом проекты правых, предусматривавшие сохранение законодательной Думы, но дальнейшее ограничение круга лиц, пользующихся избирательными правами, означали изгнание из Думы буржуазных элементов и превращение ее в орган власти поместного дворянства. На таких условиях крепостники действительно готовы были стать «конституционалистами», но этот «конституционализм» означал бы отказ от бонапартистского курса царизма. Для легити-

¹² А. Я. Аврех. Третьеиюньская монархия и образование третьеиюньского помещичье-буржуазного блока. — Вестн. Моск. ун-та, ист.-филол. сер., 1956, № 1, с. 22.

¹³ А. Я. Аврех. Столыпин и Третья дума, с. 331.

¹⁴ С. Д. Шереметев — Ф. Д. Самарину, 8 июня 1907 г. РО ГБЛ, ф. 265, папка 208, ед. хр. 25.

мистских элементов принципиально важным было положение, что навязанные им в 1906 г. Основные законы не ущемляют ни в коей мере самодержавной власти царя, имеющего право эти законы отменить. Вот почему работа III Думы началась с конфликта из-за титула царя, а «посягательство на прерогативы верховной власти» стало постоянным обвинением в адрес Думы и правительства Столыпина по самым ничтожным поводам.

Если, однако, с отменой все равно не соблюдавшихся Основных законов можно было не спешить, если на Думу была узда в лице Государственного совета, состоявшего из «соседей по имению», то намеченная Столыпиным реорганизация местного управления и самоуправления и местного суда, составлявшая центр всей его программы «реформ», требовала немедленного вмешательства помещичьего дворянства. Эти реформы не только не угрожали «исторической власти», а, наоборот, были направлены на ее укрепление и приспособление к новой обстановке, но именно они больше всего противоречили интересам крепостников-помещиков.

Соглашаясь на столыпинскую аграрную реформу, помещичье дворянство имело единственной целью стравить крестьян между собой и отвести угрозу от собственных усадеб. Но за весь период осуществления аграрной реформы, с 1907 по 1915 г., выделившиеся из общины домохозяева продали, очевидно, преимущественно кулакам, 3439 тыс. десятин земли,¹⁵ причем большая часть этих продаж приходилась скорее на последние из указанных лет. За период же 1906—1910 гг. из рук помещичьего дворянства ушло 6563,3 тыс. десятин земли, что составляло 12,3% всего их земельного фонда на 1905 г., причем 5617 тыс. десятин дворянских земель попало в руки крестьян (кулаков).¹⁶ Экономическая угроза помещикам со стороны кулачества была реальностью, и жалобы на обезземеление дворянства имели под собой явные основания. Как признает и А. Я. Аврех, помещичье дворянство и его представители в Государственном совете стали рассматривать кулака как своего экономического и политического конкурента в деревне.¹⁷ И в этой-то обстановке Столыпин своей местной реформой задумал сделать политические выводы из проходящего в деревне экономического процесса. Плоть от плоти российского дворянства, он, елико возможно, старался сохранить за помещиками их привилегированное положение на местах, но в интересах государства считал необходимым предоставить кулаку большую, чем прежде, роль в местном самоуправлении и передать административную власть в уезде из слабеющих рук дворянского председателя в руки назначаемого правительством чиновника. Для

¹⁵ С. М. Дубровский. Столыпинская земельная реформа. М., 1963, с. 361.

¹⁶ Там же, с. 312; Статистика землевладения на 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907, с. 12—15.

¹⁷ А. Я. Аврех. Столыпин и Третья дума, с. 328.

крепостников-помещиков, привыкших считать, что государство — это они, такая перспектива была невыносима. Поэтому именно по планам местной реформы был нанесен первый удар и мотив борьбы против этой реформы отчетливо звучал в моменты самых острых столкновений легитимистской реакции со Столыпиным и его союзниками по бонапартистскому курсу.

Реформа местного управления и самоуправления принадлежала к числу тех проблем, необходимость решения которых была осознана в верхах царской бюрократии уже давно, но практическое осуществление откладывалось на неопределенное время в силу неистребимой тенденции царизма оттягивать решение самых назревших вопросов. После долгого перерыва, наступившего вслед за прекращением работ Кахановской комиссии, вопрос о реформе губернского управления был поднят вновь в записке В. К. Плеве от 23 октября 1902 г., в которой тот писал о необходимости «усиления и сосредоточения власти губернаторов» и «упорядочения и упрощения современного губернского управления путем объединения в одном центральном органе местных коллегиальных установлений». Записка Плеве получила одобрение Николая II, и для обсуждения вопроса была создана особая комиссия под председательством министра внутренних дел.¹⁸

Однако прежде чем комиссия приступила к работе, царской бюрократии пришлось публично расписаться в том, что дело заключается не только в усилении губернаторской власти и централизации губернских ведомств. 26 февраля 1903 г. Николай II был вынужден признать наличие «смуты» в государстве и пообещать ряд реформ в целях «усовершенствования» государственного порядка. В этих условиях комиссия, открывшая свои заседания 27 февраля и состоявшая из таких столпов охранительности, как В. К. Плеве, П. Н. Дурново, Б. В. Штюрмер, Н. А. Зиновьев, А. Н. Мосолов, граф С. А. Толь, В. В. фон Валь и др., явно вышла за пределы, намеченные в записке Плеве, и пришла к выводу, что для согласования государственного и общественного управления в губернии нужно пересмотреть земское и городское положения в смысле «расширения круга ведения общественных установлений» и осуществить децентрализацию, чтобы местные дела получали разрешение в губернии и даже в уезде.¹⁹

В указе 12 декабря 1904 г., возвестившем «эру правитель-

¹⁸ Записка Департамента общих дел МВД по пересмотру законоположений о губернских учреждениях. 27 февраля 1903 г. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 194, 1903 г., д. 150, ч. I, л. 150—151.

¹⁹ Журнал комиссии по преобразованию губернского управления. 27 февраля—10 июня 1903 г. Там же, л. 188—189.

ственной весны», царизм и в вопросе о местном управлении должен был сделать еще шаг в сторону признания требований либеральной оппозиции. В нем, кроме обещания расширить права земств, уже признанного комиссией Плеве, было провозглашено создание не только губернского и уездного земства, но и «общественных установлений по заведованию делами благоустройства на местах в небольших по пространству участках»,²⁰ т. е. «мелкой земской единицы», являвшейся неперемнным пунктом программ либеральной оппозиции. Разумеется, это еще не означало того, что правительство собирается проводить земскую реформу в том объеме, которого добивались либералы.

Однако следующий этап обсуждения реформы в недрах бюрократических канцелярий проходил в резко изменившейся ситуации, когда приходилось всерьез готовиться к таким уступкам, какие еще недавно казались совершенно немислимыми. Новая комиссия по разработке проекта преобразования местного управления под председательством товарища министра внутренних дел князя С. Д. Урусова начала заседать 8 декабря 1905 г., в момент, когда в стране разгоралось вооруженное восстание. Принимая меры к беспощадному подавлению восстания, правительство Витте еще не отказалось от мысли договориться с либеральными кругами, и это не могло не отразиться и на проекте местной реформы.

Не случайно поэтому в центре внимания комиссии оказались вопросы не местного управления (органов государственной власти), а местного самоуправления — земства. Комиссия, в которой оппозицию справа представляли В. И. Гурко и С. Н. Гербель, а слева — А. А. Лопухин и И. Я. Гурлянд, высказалась за ликвидацию сословного принципа в уезде, ликвидацию сословной крестьянской волости и создание всесословного поселкового управления и участкового земства в территориальных границах участков, подлежавших ранее ведению земского начальника. Комиссия признана желательным (Гурко и Гербель голосовали против) уничтожение должности земского или участкового начальника и передачу его функций, кроме чисто полицейских, выборному председателю участковой управы.

Затронув вопросы административного управления на местах, комиссия предложила объединить различные ведомства в уезде под общим руководством уездного начальника, которому предоставлялись широкие полномочия. Мотивировка этого была чрезвычайно характерна для переживаемого страной момента. Комиссия записала в своем журнале, что «если при прежнем положении дел надо было неизбежно соблюдать известную осторожность при определении границ власти, предоставляемой административным

²⁰ Правительственный вестник, 14 декабря 1904 г., № 283.

лицам, дабы не породить произвола, то при новом положении вещей — свобода печати, интерпеляция в Государственной думе и пр., — представляется, напротив, желательным дать административной власти возможно большие полномочия, так как нет сомнения, что ввиду изменившихся условий применения власти представители ее будут пользоваться ею с должной осмотрительностью».²¹

Деятельность комиссии Урусова не пошла дальше выработки названных выше общих принципов местной реформы, и вопрос о ней оставался открытым в течение всей первой половины 1906 г. Новый толчок к ее разработке был дан лишь с образованием кабинета Столыпина. На этот раз Министерство внутренних дел взялось за подготовку проекта с не свойственной российской бюрократии быстротой, поскольку Столыпин считал местную реформу одним из важнейших составных элементов своей программы. В перечне дел «первостепенной государственной важности», которыми должна будет заняться II Дума, «если ныне прерванное нормальное течение законодательной жизни восстановится», она была поставлена Советом министров непосредственно за пересмотром законоположений о крестьянах.²² Как уже отмечалось, это преобразование, как оно было задумано, представляло собой политический вывод из столыпинской аграрной политики. «Реформа местного управления, — подчеркивалось в подписанном Столыпиным представлении МВД в Совет министров, — если не всецело, то в весьма многих отношениях является не только деловой, но и политической реформой. Едва ли не ясно, что и ныне переживаемая нашим отечеством эпоха коренных изменений государственного строя не является достаточно благоприятной для более или менее законченных работ по преобразованию местного строя. Но, с другой стороны, именно эти особенности времени выдвигают с особенной остротой и на первый план необходимость незамедлительного согласования всех существующих в местном управлении распорядков с теми новыми

²¹ Журнал комиссии по разработке проекта преобразования местного управления. 8 декабря 1905 г. — 2 января 1906 г. ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 1, 1906 г., д. 3, л. 1—31. В этой мотивировке никак не прежде всего та «грация», с коей комиссия обходила исключительное законодательство 1881 г., породившее «образ действия администрации, при котором, — как признавал сам Дурново, — ни один из местных обывателей не может быть уверен в том, что он обеспечен от произвольного обыска или заключения его под арест без видимой подачи с его стороны к тому повода» (Материалы по пересмотру установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений. СПб., 1905, с. 7). Показательно также стремление бюрократии максимально расширить законные рамки своей власти перед лицом возможного вмешательства общественного мнения.

²² Особый журнал Совета министров 27 и 31 октября и 1 декабря 1906 г. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 4, л. 194.

принципами и стремлениями, которые легли в основу вышеуказанных коренных изменений»²³

Внесенные Столыпиным на рассмотрение Совета министров проекты предусматривали реорганизацию системы как местного самоуправления (земства), так и административного управления.

Главным в проекте земской реформы были ликвидация сословного управления для крестьян и создание последовательной цепи бессословных организаций — сельских, волостных, участковых, уездных и губернских. В проекте резонно отмечалось, что «сословная группировка населения России представляет из себя нечто определенное лишь в тех своих частях, где ее деления совпадают с реальными различиями отдельных классовых элементов, оставаясь за этими пределами чисто фиктивной величиной».²⁴ Поэтому вместо сословного принципа МВД предлагало положить в основу земской системы принцип имущественный.

Низшей ячейкой системы местного самоуправления предполагалось сделать сельское общество (округ), включающее в себя земли как общинные, так и частновладельческие. Однако земли крупных помещиков не включались в состав сельского общества, чтобы на них не была переложена вся тяжесть местных сборов. Земельным владениям, составляющим более половины полного земского ценза (т. е. свыше 7500 руб. оценочной стоимости), предоставлялся статус самостоятельных сельских округов.

Следующую ступень составляла волость, охватывающая сплошную территорию, которая включала в себя сельские общества и частные владения, имеющие статус сельских округов. Во главе волости ставился выборный распорядительный орган. Число членов его определялось числом полных земских цензов в волости, причем хозяева полноцензовых владений тем самым являлись членами волостного распорядительного органа. В компетенцию волости входили дела местного благоустройства и местной полиции, а также исполнение поручений правительственных и земских учреждений.²⁵ Иными словами, за волостью сохранялось ее прежнее положение не только (и не столько) хозяйственной, но и административной единицы, несущей на себе бремя полицейских функций, против чего все время выступала либеральная оппозиция. Главное в реформе волости заключалось в том, что в ее состав включались теперь не только крестьянские, но и помещичьи земли, на которые соответственно перекладывалась и часть волостных денежных повинностей. Однако инте-

²³ Представление МВД в Совет министров 7 января 1907 г. Об установлении главных начал устройства губернских учреждений. Там же, оп. 3, д. 18, л. 41.

²⁴ Представление МВД в Совет министров 11 декабря 1906 г. Об установлении главных начал устройства местного управления. Там же, д. 63, л. 9.

²⁵ Там же, л. 2—6.

ресы помещиков охранялись автоматическим предоставлением им прав членов волостного выборного органа в силу владения полнотензовым участком.

Хотя во вступительной части представления МВД и говорилось о необходимости создать участковое земство — промежуточное между волостью и уездом, никаких разработанных предложений по этому вопросу проект не содержал и переходил непосредственно к уездному земству. Предусматривалось создание трех избирательных курий. В первую входили владельцы земельных имуществ (дворяне и недворяне) оценочной стоимостью свыше 7500 руб., во вторую — менее 7500 руб., а в третью — владельцы городских недвижимостей и торгово-промышленных предприятий. Число гласных от каждой курии зависело от оценочной стоимости имуществ лиц, входящих в курию, — по одному гласному на каждые 150 000 руб. оценочной стоимости. Предполагалось также расширение компетенции уездного земства, предоставление ему права образования продовольственных капиталов, заключения займов, издания обязательных постановлений. Оставаясь под контролем властей с точки зрения законности своих действий, земства освобождались от такового в отношении определения их целесообразности, и поэтому отменялась обязательность утверждения постановлений земских собраний административной властью.²⁶ Главными в проекте уездного земства были три момента: ослабление административного надзора, являвшееся уступкой либеральной оппозиции, расширение компетенции, соответствовавшее общему курсу перемещения центра тяжести местного управления из губернии в уезд, и уравнение в правах частных землевладельцев недворянского происхождения с дворянами.

Значительно большие изменения предусматривались в системе административного управления. Поскольку проект не создавал участкового земства, авторы его вернулись к должности участкового начальника, надзирающего над деятельностью волостных управлений. Однако, учитывая одиозность этой фигуры, долженствующей заменить земского начальника, вызывавшего постоянную критику даже очень умеренных кругов, представление МВД специально подчеркивало, что «это был бы земский начальник без судебных функций, без дискреционной власти, без *сословного ценза* (курсив наш, — В. Д.), но с основательной подготовкой по службе».²⁷

Центр тяжести местного управления предлагалось перенести в уезд. Для этого необходимо было создать единую систему правительственных учреждений в уезде вместо разрозненных ведомств, подчинявшихся каждое непосредственно своему губер-

²⁶ Там же, л. 8—13.

²⁷ Там же, л. 6.

скому начальству. Проект МВД подвергал критике существовавшую практику объединения уездных властей, заключавшуюся в том, что формально председателем любых уездных совещаний и межведомственных комиссий являлся предводитель дворянства. «Ни по своему общественному и служебному положению, ни по своей подготовке, — говорилось в проекте, — уездные предводители не могут почитаться органами, удовлетворяющими тем требованиям, которые к ним в этом случае предъявляются».²⁸ Поэтому, сохраняя за уездными предводителями дворянства председательствование в земском собрании и землеустроительной комиссии, попечительство над народными училищами и заведование сословными дворянскими делами, Министерство предлагало освободить их от остальных функций и поставить во главе уезда назначаемое должностное лицо, обладающее по отношению ко всем уездным правительственным учреждениям такой же полнотой власти, какой обладает губернатор в масштабе губернии. Соответственно такое должностное лицо предлагалось именовать вице-губернатором.²⁹

Значительно расширились полномочия губернатора. Во-первых, ему в качестве постоянного права, а не в силу положения об усиленной охране, как это было до сих пор, разрешалось издавать обязательные постановления для предупреждения нарушений общественного спокойствия и государственного порядка. Во-вторых, он получал по существу полный контроль над деятельностью учреждений всех министерств в губернии, не будучи обязан получать предписания от этих министерств и отчетываться перед ними. В-третьих, он получал право присутствовать на заседаниях земских собраний и городских дум и быть в них выслушанным по первому своему требованию. В то же время губернатору предоставлялось право вносить в МВД предложения о выделении через государственную роспись определенных сумм для пополнения бюджетов земства и городских дум.³⁰ Этим МВД надеялось не только смягчить недовольство земств усилением полномочий губернатора по отношению к ним, но и поставить земства в финансовую зависимость от себя, поскольку размер дотаций безусловно зависел бы от характера взаимоотношений земства и административной власти.

Наиболее важным моментом в задуманной Столыпиным реформе административного управления на местах было, разумеется, то, что вместо выбираемого местным дворянством уездного предводителя в качестве главы уезда назначался правительственный чиновник. Это еще больше увеличивало самостоятельность бюро-

²⁸ Там же, л. 7.

²⁹ Там же, л. 8, 14—19.

³⁰ Представление МВД в Совет министров 7 января 1907 г. Об установлении главных начал устройства губернских учреждений. Там же, д. 18, л. 54—59.

кратического аппарата. В том же направлении шла и замена земского начальника (дворянина) участковым начальником без сословного ценза.

При обсуждении представленных им «главных начал» устройства местного и губернского управления в Совете министров Столыпину пришлось столкнуться с возглавленной Коковцовым оппозицией коллег по кабинету, недовольных подчинением их учреждений на местах представителю МВД, какими фактически являлись губернаторы и уездные «вице-губернаторы». В результате сопротивления министров объем власти губернаторов и «вице-губернаторов» по отношению к учреждениям других ведомств был сокращен, а самого главу исполнительной власти в уезде было решено именовать не «вице-губернатором», а начальником уезда.³¹ Из-за резкого противодействия Коковцова был убран из проекта и пункт о праве земств на дотации из государственной росписи, поскольку Коковцов считал, что это право земств превратится в обязанность государства давать субсидии, тогда как Министерство финансов не располагает необходимыми средствами.³²

Но наиболее существенные изменения были внесены в целях сохранения привилегий дворянства. Идея создания сельских обществ (округов) была отброшена вообще, и низшей ступенью управления сделана волость. Предположено было лишь выделить из волости в случае необходимости поселки с некрестьянским населением (при железнодорожных станциях, дачные и т. п.) и предоставить им самоуправление упрощенного городского типа. Министерству внутренних дел было рекомендовано изменить предложенную им систему выборов в земские собрания: установить размер минимального ценза, дающего право быть избранным в волостное собрание (а оттуда и в уездное земство), в 750 руб. оценочной стоимости вместо 150 руб., по проекту МВД, и проводить выборы гласных уездного земства отдельно волостными собраниями, собраниями землевладельцев, обладающих участками не менее чем в половину земского ценза, и городскими думами. Такое распределение избирателей по куриям в большей степени отделяло помещиков-дворян от сельской буржуазии.

Чтобы еще больше защитить интересы дворянского землевладения, Совет министров высказал сомнение в целесообразности устанавливать имущественный ценз вместо земельного. Дело заключалось в том, что земская оценка дворянских имений была

³¹ Особый журнал Совета министров 19 и 22 декабря 1906 г. и 3 и 6 января 1907 г. Там же, оп. 2, д. 63, л. 104; Особый журнал Совета министров 20 и 27 января 1907 г. Там же, оп. 3, д. 18, л. 232—247.

³² В. Н. Коковцов — П. А. Столыпину, 22 января 1907 г. Там же, л. 79—83.

обычно занижена по сравнению с оценкой промышленных предприятий и городских недвижимостей, а проект МВД, как указывалось, распределял число гласных между куриями пропорционально количеству цензов, падающих на каждую курию согласно оценочной стоимости имуществ. Поскольку окончательного решения о характере ценза не было вынесено, Совет министров специально оговорил в своем журнале, что «во всяком случае элемент землевладельческий ... не должен в будущем земстве быть отодвинут на последний план»,³³ и поэтому установленная в проекте МВД минимальная квота — не менее трех гласных от землевладельцев в составе уездного земства — должна быть увеличена до $\frac{1}{4}$ состава гласных.

Недовольство министров вызвало и стремление Столыпина сделать главу уезда независимым от местного дворянства, передав эту роль от дворянского предводителя назначаемому чиновнику. Они записали в журнале Совета, что «умаление значения должности предводителя дворянства было бы выражением как бы недоверия к дворянскому сословию, не вызываемого действительным поведением дворянства, остававшегося верным своим заветам и по-прежнему представляющего оплот порядка в ныне переживаемую империю тяжелую пору». Поэтому Совет министров предложил считать совмещение должностей начальника уезда и уездного предводителя хотя и не обязательным, но желательным и специально оговорить это в проекте.³⁴

Большая часть замечаний Совета министров была учтена МВД, и переработанные в этом направлении проекты поселкового, волостного и уездного управления были внесены во II Думу 20 февраля, а проект губернского управления — 10 марта 1907 г. Но и в переработанном виде план местной реформы не устраивал реакционное дворянство.

Еще на 2-м съезде объединенного дворянства в ноябре 1906 г. предложение послать приветственную телеграмму Столыпину встретило возражение ряда участников, заявивших: «Выражать одобрение программе председателя Совета министров преждевременно, ибо она еще пока является невыясненной. Дальнейшая работа Съезда покажет, признает ли Съезд эту программу заслуживающей одобрения».³⁵ Смысл этого заявления был с предельной ясностью подчеркнут затем Н. Ю. Шильдер-Шульднером, предсказывавшим, что «наши интересы сословные могут разойтись с интересами правительства».³⁶

³³ На полях журнала возле этой фразы Николай II написал: «Напротив».

³⁴ Особый журнал Совета министров 19 и 22 декабря и 3 и 6 января 1907 г. Высочайше утвержден 11 февраля 1907 г. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 63, л. 96—111.

³⁵ Труды второго съезда уполномоченных дворянских обществ 31 губернии. 14—18 ноября 1906 г. СПб., 1907, с. 5.

³⁶ Там же, с. 22.

Столкновение интересов стало очевидным, как только дворянские лидеры узнали о плане местной реформы, в котором Шереметев увидел «попытку ускорить переход к иной форме правления» и «правительственный цинизм».³⁷ Где-то в январе—феврале 1907 г. группа правых членов Государственного совета составила записку, в которой выразила недовольство тремя основными положениями предполагаемой реформы: устранением предводителя дворянства от руководящей роли в уезде, образованием всесословной волости и расширением земского избирательного права. В качестве завуалированной формы откладывания дела «до греческих календ» в записке выдвигалось требование передать проекты на обсуждение «местным людям» — земским и дворянским собраниям.³⁸

В то время как правые в Государственном совете составляли свою записку, были приняты меры для координации действий противников местной реформы. 5 января в Москве состоялся съезд губернских предводителей дворянства, на котором петербургский предводитель граф В. В. Гудович сообщил о подготовляемых проектах.³⁹ Возможно, именно этот съезд имел в виду М. В. Родзянко, когда впоследствии говорил, что мысль о созыве съезда для обсуждения предстоящей местной реформы возникла в январе 1907 г. у группы земцев, собравшихся в Москве.⁴⁰ Во всяком случае, по сведениям «Речи», устроителями земского съезда были «дворяне того самого кружка, который вот уже второй год ведет подкоп против основ нашей конституции».⁴¹

Затем борьба против местной реформы была перенесена на 3-й съезд объединенного дворянства, состоявшийся 27 марта—2 апреля 1907 г. И сам факт разработки реформы и, особенно, намерение правительства внести этот проект на рассмотрение Думы были расценены участниками съезда как «незаслуженное оскорбление», и ряд дворянских лидеров предложил направить депутацию к Николаю II, чтобы сорвать разработку законопроекта.⁴² В ответ на возражения немногочисленных представителей левого крыла съезда (кадетов и мирнообновленцев),

³⁷ С. Д. Шереметев — Ф. Д. Самарину, 13 января 1907 г. РО ГБЛ, ф. 265, папка 208, ед. хр. 25.

³⁸ Записка без даты, подписи и заглавия. Рукою Столыпина озаглавлена: «Записка гр. Палена». Датируется по содержанию, так как она написана в момент, когда «означенные проекты одобрены в Совете министров и их имеется в виду внести на рассмотрение Гос. думы». Групповой характер записки также виден из самого ее текста. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1907 г., д. 5-а, ч. 3, л. 151—158.

³⁹ Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909, с. 472.

⁴⁰ Стенографические отчеты 1-го Всероссийского съезда земских деятелей в Москве. Заседания 10—15 июня 1907 г. М., 1907, с. 1.

⁴¹ Речь, 9 июня 1907 г., № 134.

⁴² Труды третьего съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1907, с. 16, 22.

убеждавших съезд не вмешиваться в вопросы законодательства, сам шурин Столыпина А. Б. Нейдгардт заявил: «Раз жизненные основы ... сословия затрагиваются, то не только его право, но обязанность подать свой голос. Мы должны знать и помнить, что дворянством Русь строилась и в дальнейшем без него не может обойтись».⁴³ Против проведения местной реформы высказались Н. Е. Марков, Д. Н. Кованько, В. Н. Ознобишин и другие.

Одновременно (и, вероятно, в том же примерно составе) в Петербурге 31 марта 1907 г. состоялось собрание, в котором участвовало 92 гласных из 27 губерний и где был избран временный совет по созыву земского съезда.⁴⁴ Как затем признавали участники съезда, совет был составлен из противников правительственного проекта.⁴⁵ Их побудительным мотивом был страх, что правительство проведет реформу, невыгодную помещику дворянству. «Под влиянием этого страха, — вспоминал один из правых делегатов, — мы и хлопотали о разрешении нам обсудить проект».⁴⁶

Правительство пошло на созыв съезда с большой опаской. С одной стороны, слишком свежи были в памяти земские съезды 1904—1905 гг. и их роль в консолидации оппозиционных сил; с другой — обсуждение проекта могло закончиться нежелательным для властей результатом. Поэтому МВД не разрешило избрание делегатов съезда на официальных заседаниях губернских земских собраний и делегаты были выдвинуты на частных совещаниях гласных.⁴⁷ Изменившийся состав земств, куда после выборов 1906 г. пришел испуганный и озлобленный помещик, predetermined и состав съезда, из 124 участников которого, по подсчетам «Слова», 33 принадлежали к крайне правым, 33 — к умеренно правым, 44 — к октябристам, 4 — к мирнообновленцам и 10 — к кадетам.⁴⁸ Для того чтобы как можно демонстративнее отмежеваться от прежних кадетских земских съездов, новый съезд был назван «первым всероссийским».⁴⁹

Заседания съезда проходили с 10 по 15 июня 1907 г. в Москве под председательством М. В. Родзянко. Правые попытались

⁴³ Там же, с. 20.

⁴⁴ Стенографические отчеты 1-го Всероссийского съезда., с. 1.

⁴⁵ Стенографические отчеты 2-го Всероссийского съезда земских деятелей в Москве. Заседания 25—28 августа 1907 г. М., 1908, с. 74.

⁴⁶ Там же, с. 5—6.

⁴⁷ Русские ведомости, 12 июня 1907 г., № 132.

⁴⁸ Слово, 14 июня 1907 г., № 173.

⁴⁹ Только октябристский «Голос Москвы» в день открытия съезда, не разобравшись, назвал его 5-м. К сожалению, «Голос Москвы» ввел в заблуждение А. Я. Авреха, пользовавшегося газетными отчетами, а не стенограммами съезда. В результате А. Я. Аврех неверно оценил замысел организаторов съезда, увидев в его несуществовавшем названии («пятый») стремление подчеркнуть связь с либеральными традициями (Вестн. Моск. ун-та, ист.-филол. сер., 1956, № 1, с. 51).

прежде всего поставить под сомнение необходимость земской реформы вообще. Н. Е. Марков обрушился на Министерство внутренних дел, назвав его «цехом составителей законопроектов». Признав неизбежность некоторого расширения круга лиц, пользующихся правом голоса при выборах в земства, поскольку «дворян слишком мало, они редют и скоро будут так редки, как зубры в Беловежской пуще», он в то же время высказался против сколько-нибудь существенной реформы, открывающей доступ в земство крестьянам, ибо, как утверждал он, «крестьянство в его массе неспособно вести земское дело».⁵⁰ Маркова поддержал и другой реакционный «зубр» — князь Касаткин-Ростовский, заявлявший: «То, что предлагает правительство, не отвечает нашим желаниям», и пока аграрные выступления крестьян не прекратились, «спокойно обсуждать реформу невозможно».⁵¹ В том же духе высказывался и орловский помещик Цуриков, назвавший «революционным» выработанный правительством законопроект.⁵²

Все же правые не решились проголосовать против необходимости реформы вообще и предпочли дать бой по вопросу о ее своевременности. Предложение Маркова признать желательным лишь «рассмотрение и разработку» реформы собрало 48 голосов против 50, высказывавшихся за «разработку» ее.⁵³ Это незначительное большинство составилось главным образом из октябристов, выступавших за ускоренное осуществление правительственного плана. Октябристами двигало стремление опередить наступление нового революционного взрыва, укрепив социальный базис режима. Об этом говорил один из лидеров левого крыла октябристов В. М. Петрово-Соловово, предупреждавший, что «если мы своевременно не устроим наш корабль . . . он не выдержит пового шквала».⁵⁴ Об этом же говорил и граф А. А. Уваров, призывая не бояться пустить в земство кулака, ибо он «есть тот консервативный элемент, та опора, на которую в ближайшем будущем должно опереться правительство, если желает продолжать свое существование», ибо кулак, «прочувствовавши, сколько пота и крови стоят 100 или 50 десятин, будет защищать их крепче, чем мы наши тысячи десятин».⁵⁵

Споры о цензе для выборов в земство сосредоточились вокруг его характера (налоговый или земельный) и размера. Немногочисленные голоса кадетов, предлагавших вообще отменить ценз,

⁵⁰ Стенографические отчеты 1-го Всероссийского съезда., с. 15—18. Пущенное Марковым название «зубров» стало постоянным для реакционных дворян.

⁵¹ Там же, с. 28.

⁵² Там же, с. 42.

⁵³ Там же, с. 54.

⁵⁴ Там же, с. 50.

⁵⁵ Там же, с. 157.

были подавлены правооктябристским большинством и вызвали крик официозной «России», заявившей, что «всякий крутой переход от одних принципов к другим является весьма рискованным опытом» и подлинная демократизация земства (при отмене ценза) привела бы «к устранению от местного хозяйства наиболее привычных к делу и наиболее интеллигентных сил»⁵⁶ (т. е. помещиков).

В стремлении сохранить земство в руках помещиков большинство съезда заходило, однако, значительно дальше правительственного проекта. 60 голосами против 37 (кадеты и часть октябристов) съезд отверг идею введения в поселке и волости налогового ценза вместо земельного.⁵⁷ Противники налогового ценза прямо говорили, что они недовольны им, так как его введение поведет «к появлению безземельных земцев».⁵⁸ «Нельзя, — настаивали они, — отдавать земство в руки неведомых плательщиков налога, а надо сохранить его в руках дворянства».⁵⁹ Согласившись, при условии сохранения земельного ценза, несколько понизить его уровень, правые решительно выступили за создание курий по сословному признаку, откровенно заявляя, что требуют этого во имя защиты интересов помещиков, которых в противном случае могут не выбрать в земские гласные.⁶⁰

Высказавшись в принципе за создание волостного земства (против выступил только Ширинский-Шихматов), участники съезда отказались обсуждать правительственный проект и разошлись, решив продолжить работу в августе.

Состав участников заседаний 25—28 августа 1907 г., получивших название 2-го Всероссийского съезда, значительно отличался от июньского. Убедившись в невозможности отстаивать свои взгляды, на съезд не приехали кадеты и М. А. Стахович. Не приехал и ряд других делегатов, занятых то ли уборкой урожая в своих имениях, то ли подготовкой выборов в III Думу. В результате соотношение сил на съезде несколько изменилось в сторону правых.⁶¹ Они попытались воспользоваться этим и провести резолюцию, вообще отвергавшую создание волостного земства. Против реформы высказались Касаткин-Ростовский, заявлявший, что правительственный проект равносителен осуществлению эсеровской программы и приведет к «передаче всего дела охлократии, т. е. черни»,⁶² екатеринославский делегат Карпов, не желавший, чтобы земство попало из рук помещиков в руки

⁵⁶ Россия, 13 июня 1907 г., № 474.

⁵⁷ Стенографические отчеты 1-го Всероссийского съезда., с. 115.

⁵⁸ Там же, с. 103.

⁵⁹ Там же, с. 99.

⁶⁰ Там же, с. 158.

⁶¹ Русское слово, 26 августа 1907 г., № 196.

⁶² Стенографические отчеты 2-го Всероссийского съезда., с. 24, 82—83.

крестьян и владельцев промышленных ценов,⁶³ Ширинский-Шихматов, предрекавший, что «толпа» «пожрет маленькие культурные единицы»,⁶⁴ Марков, призывавший выбросить проект реформы в мусорную корзину,⁶⁵ и др. В выступлениях правых звучал страх перед всеословностью земства, при которой помещик мог оказаться в административном подчинении у крестьянина — волостного старшины. Кроме того, они боялись, как бы волостное управление не переложило на помещиков всю тяжесть местных налогов.⁶⁶

Правительственный проект волостного управления был отвергнут съездом. Но при обсуждении общих принципов устройства мелкой земской единицы большинством голосов, кроме крайне правых, была поддержана идея создания всеословной самоуправляющейся волости, обладающей правом введения местных сборов.⁶⁷ В то же время большинство съезда, включая и правых (против была часть октябристов), высказалось за освобождение волости от административных (главным образом полицейских) функций и превращение ее в чисто хозяйственную единицу, а также за факультативность создания волостных земств в зависимости от решения уездных собраний.⁶⁸ Освобождение волости от полицейских функций мотивировалось правыми тем, что в противном случае ни один помещик не согласится пойти в волостные старшины, а правые явно не хотели отдавать руководство новыми органами в руки крестьян. Принятие факультативности волостного земства давало возможность затягивать его реальную организацию до бесконечности.

Не обсудив вопроса о реформе уездного и губернского управления (19 делегатов правых призывали ее отвергнуть),⁶⁹ съезд закончил свою работу.

Хотя результаты земских съездов были не слишком благоприятны для правительства, Столыпин, по-видимому, счел их сносными. Для него явно было важно, что на съезде решения, как правило, принимались блоком октябристов и умеренных, а крайне правые оставались в меньшинстве. Это давало основания надеяться, что при соответствующем подборе представители земств могут поддержать основные положения его проектов. В конце октября, когда итоги выборов в III Думу тоже показали возможность победы в земских собраниях блока октябристов и умеренных, Столыпин, по сведениям «Речи», циркулярно сообщил гу-

⁶³ Там же, с. 49.

⁶⁴ Там же, с. 53.

⁶⁵ Там же, с. 79—80.

⁶⁶ «Интересы миллионера, — восклицал Марков при обсуждении этого вопроса, — важнее интересов нищего». Там же, с. 197.

⁶⁷ Там же, с. 90, 92, 96, 105.

⁶⁸ Там же, с. 125, 213.

⁶⁹ Там же, с. 105—106.

бернаторам о своем намерении передать проект местной реформы на предварительное рассмотрение Совета по делам местного хозяйства при МВД и предложил им поручить губернским земским собраниям наметить лиц, которые могли бы быть приглашены в этот Совет.⁷⁰ 16 ноября Столыпин заявил о передаче проекта на рассмотрение Совета по делам местного хозяйства в своей речи перед Государственной думой.⁷¹ В декабре по факту это решение Столыпина было утверждено Советом министров,⁷² а в январе 1908 г. правительство взяло проект из Государственной думы.

Но к этому времени стало ясно, что дворянская оппозиция местной реформе не ограничилась выступлениями на земском съезде и, более того, не нашла там своего полного выражения. Состоявшийся в марте—апреле 1907 г. 3-й съезд объединенного дворянства разослал правительственный проект дворянским собраниям для обсуждения и (предполагалось) осуждения. Уже вскоре псковское дворянское собрание объявило проект неудовлетворительным и потребовало «гарантировать представительство дворянских и прочих культурных элементов» в земстве и для того «сохранить выборы в гласные ... по прежней системе выборов от дворянских собраний».⁷³ Голос псковского дворянства был не так уж важен, хотя и симптоматичен, ибо раньше именно псковские делегаты убеждали 2-й съезд объединенного дворянства не выступать с критикой правительства. Но затем выступило московское дворянство, чье мнение всегда считалось наиболее авторитетным в сословии. 27 июня совещание под председательством губернского предводителя П. А. Базилевского обсудило и одобрило записку Ф. Д. Самарина против реформы местного управления.⁷⁴ 8 октября чрезвычайное дворянское собрание одобрило доклад, представленный этим совещанием. Доклад отвергал «с порога» саму идею широкой реформы местного управления и самоуправления. Его авторы считали нужным, лишь «постоянно следя за деятельностью государственных уч-

⁷⁰ Речь, 27 октября 1907 г., № 254.

⁷¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1908, стб. 309.

⁷² Особый журнал Совета министров 7 и 18 декабря 1907 г. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 18, л. 52—75.

⁷³ Постановление псковского чрезвычайного дворянского собрания. Дата поступления в Департамент общих дел 24 мая 1907 г. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1906 г., д. 73, ч. II, л. 57—58.

⁷⁴ Русское слово, 28 июня 1907 г., № 147; Слово, 29 июня 1907 г., № 186. Горячо поддерживая эту записку, Шереметев писал Самарину: «Дело первостепенной важности, и велика Ваша заслуга, что Вы взяли дать отпор преступному проекту, внесенному скондачка седьмочисленными правителями в Г[осударственную] Д[уму] помимо тех законных инстанций, рассмотрению которых они прежде всего подлежат». (С. Д. Шереметев — Ф. Д. Самарину, 8 июля 1907 г. РО ГБЛ, ф. 265, папка 208, ед. хр. 25).

реждений, вносить в них своевременно те мелкие поправки, на необходимость коих указывает практика».⁷⁵ Доклад отвергал и выдвинутый МВД аргумент о необходимости согласования системы местных органов с новым политическим строем. Активно подкапывавшиеся под основы куцей столыпинской конституции московские зубры откровенно заявляли, что «все эти новые установления еще очень неустойчивы и никто не может сказать, в какие формы они окончательно выльются».⁷⁶

Главные усилия московские дворяне сосредоточили на защите прежних прерогатив уездного предводителя. Они заявляли, что уездный предводитель, именно поскольку он избирается только дворянством, является хорошим главой уездной власти, как как «пользуется полною личною независимостью как от административной власти, так равно и от массы местного населения».⁷⁷ Призная, что дворянское землевладение уменьшается и находить кандидатов в уездные предводители становится все труднее (это было одним из аргументов министерского проекта), авторы доклада подчеркивали: «Государственной власти нет причины приветствовать совершившийся социальный переворот... она должна сознавать свой долг бороться против него».⁷⁸ Попутно доклад задевал и столыпинскую аграрную реформу, объявляя преступным превращение крестьянских земель из наделных в частновладельческие, поскольку из-за этого массы крестьян потеряли бы землю и «революция сделалась бы хроническим явлением».⁷⁹ Выступая с критикой правительственного проекта, московское дворянство откровенно заявляло, что оно апеллирует не к правительству и Думе, а к силам крайней реакции. «Мнение дворянства, — говорилось в докладе чрезвычайному собранию, — будет не столько иметь значение для Государственной думы, сколько для Государственного совета».⁸⁰

Вслед за москвичами «громкий протест» против реформы местного управления постановило вынести тульское дворянское собрание. Оно выразило особое недовольство тем, что авторы проекта «стараятся в корне разрушить сословный строй России», а «подобная ничем не оправдываемая ломка повлечет за собой крайне вредные последствия».⁸¹

Конец 1907—начало 1908 г. были вообще периодом фронтального выступления крайней реакции против политики Столыпина с целью реставрировать дореволюционный государственный строй.

⁷⁵ Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 382.

⁷⁶ Там же, с. 393.

⁷⁷ Там же, с. 441.

⁷⁸ Там же, с. 444.

⁷⁹ Там же, с. 445.

⁸⁰ Там же, с. 476.

⁸¹ Русское слово, 24 января 1908 г., № 20.

Наиболее откровенное выражение эти попытки нашли в адресе, принятом 31 января 1908 г. московским губернским дворянским собранием по инициативе братьев Самариных. Авторы адреса приветствовали переворот 3 июня как доказательство того, «что на Руси и ныне, как встарь, правда царская выше и сильнее преходящего формального права и что русскою землею по-прежнему правит не мертвая буква измышленного закона, а ответственный лишь перед богом самодержец». Выдвигая едва завуалированное требование ликвидации законодательных прав Думы, авторы адреса настаивали на том, чтобы «сама власть постоянно памятовала, что великих обязанностей, ей присвоенных, и тяжёлой ответственности, на ней лежащей, она никому не может передать, если бы того и хотела».⁸² Явное противоречие адреса с содержанием манифеста 17 октября смутило даже губернского предводителя Базилевского, отказавшегося обсуждать его на официальном заседании, и лидера центра в Государственном совете князя П. Н. Трубецкого, подписавшего вместе с большой группой участников собрания протест против принятия адреса. Тем не менее 198 голосами против 122 адрес был принят на частном совещании дворянского собрания, а вслед за тем губернским предводителем вместо Базилевского был избран А. Д. Самарин.⁸³ Сходный по содержанию адрес был представлен Николаю II и от имени курского дворянства.⁸⁴

Какая-то записка, составленная «руководителями кружка правых бюрократов» в духе московского адреса, получила распространение в придворных сферах. В этой записке также утверждалось, что надо вернуться к булыгинскому проекту законодательной Думы, и критиковался Столыпин, который-де цепляется за III Думу.⁸⁵ Наконец, проходивший 10—18 февраля 1908 г. всероссийский съезд «Союза русского народа» тоже обратился к Николаю II с адресом, призывавшим созвать «русских людей», преданных «самодержавию неограниченной царской власти», для обсуждения мер по «сокрушению смуты».⁸⁶

Усиление оппозиции дворянства против столыпинского плана реформы местного управления совпало по времени с выступлением Синода (декабрь 1907 г.) против вероисповедной политики правительства. Рассмотрев проекты вероисповедных законов, Синод выразил недовольство их общим направлением и потребовал, чтобы и впредь «право свободного распространения своего учения принадлежало одной православной вере». Синод настаивал

⁸² Адрес московского дворянства, составленный Ф. Д. и С. Д. Самариными. РО ГБЛ, ф. 265, папка 124, ед. хр. 13.

⁸³ Русское слово, 1 и 5 февраля 1908 г., № 27 и 29.

⁸⁴ Голос Москвы, 17 февраля 1908 г., № 40.

⁸⁵ Русские ведомости, 6 февраля 1908 г., № 30.

⁸⁶ Адрес съезда «Союза русского народа», 10—18 февраля 1908 г. ЦГИА СССР, ф. 1284, он. 194, 1908 г., д. 18, л. 17—23.

вал на сохранении преград для перехода из православия в другие вероисповедания и карах за «нападки» на православную церковь в печати, в театре и т. п.⁸⁷ Фактически ставился под удар весь курс Столыпина на примирение со старообрядцами.

В январе 1908 г. князь В. П. Мещерский открыл в «Гражданине» кампанию против реформы местного суда. Против нее высказалось также и тульское дворянство, требовавшее сохранения института земских пачальников.⁸⁸

Неудивительно, что на этом фоне получили широкое распространение слухи о предстоящей отставке Столыпина, возможно, не лишённые основания. В январе разговоры о падении Столыпина связывались с затруднениями, которые встретил кабинет при проведении в Думе ассигнований на броненосцы.⁸⁹ Эти затруднения были лишь поводом, избранным группой правых во главе со Стишинским, Шванебахом и Дурново, чтобы свалить Столыпина, причем газетные версии приписывали этой группе и инициативу составления адреса московских дворян.⁹⁰ В феврале 1908 г. в Думе вновь стали циркулировать слухи об отставке Столыпина, теперь они связывались с жалобами дворян на подрыв их сословных прав проектом местной реформы⁹¹ и с «высокомилостивым» приемом, оказанным Николаем II председателю «Союза русского народа» А. И. Дубровину.⁹²

Газетные сообщения о попытках свалить Столыпина находят свое подтверждение в дневнике Льва Тихомирова. 6 января 1908 г. со слов Шванебаха и Садовского он записал, что замена Столыпина Дурново должна последовать до пасхи, а 24 февраля передал рассказ Ширинского о том, как в начале февраля Столыпин подавал в отставку в связи с благосклонным приемом, оказанным Николаем Дубровину и депутации тульского дворянства, в адресе которого выражалось недоверие правительству.⁹³

Обеспокоенность Столыпина нападками справа нашла свое выражение в статье «России», где критиковалась «анархическая бестолочь крайних правых и истинно русских спасателей России», мечтающих о «сильной власти», под которой они подразумевают свою собственную. Прямо имея в виду противников законодательных прав Думы, «Россия» писала, что «если народное представительство есть единственное человеческое средство,

⁸⁷ Обер-прокурор Синода П. П. Извольский — П. А. Столыпину, 22 декабря 1907 г. ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 10, д. 39, л. 198—202.

⁸⁸ Речь, 23 января 1908 г., № 19.

⁸⁹ Речь, 18 января 1908 г., 15; Голос Москвы, 16 января 1908 г., № 13.

⁹⁰ Голос Москвы, 5 февраля 1908 г., № 29.

⁹¹ Речь, 19 февраля 1908 г., № 42.

⁹² Русское слово, 15 и 16 февраля 1908 г., № 38 и 39.

⁹³ Красный архив, 1935, № 5 (72), с. 133—140.

чтобы привести обращенную в развал Россию в порядок, то у народного представительства есть свои законы развития и действия, которые не признавать нельзя. Никакие соборы ничего не могут сделать там, где ничего не мог сделать парламент».⁹⁴

В конечном итоге Столыпину удалось одержать верх и, по словам начальника Главного совета по делам печати Бельгарда, человек, которого тот считал главой интриги против Столыпина, «напоролся на какой-то чувствительный рожон» и был вынужден публично выразить свою преданность премьеру.⁹⁵ Однако, по мнению прессы, был момент, когда адрес московских дворян мог возыметь практические последствия, а Дубровин и Пуришкевич были ближе к министерским портфелям, чем Милюков в 1906 г., и лишь «крайности» московского адреса помогли Столыпину одержать победу.⁹⁶ Тем не менее Тихомиров видел признаки непрочности премьера в очередном «милостивом» приеме Николаем одного из черносотенных лидеров графа А. Коновницина (с которым Столыпин был не в ладах) и в том, что Николай, не принявший отставку премьера, не простит ему самого этого факта, ибо не любит выражения недовольства собою со стороны министров.⁹⁷

Такова была обстановка, когда на состоявшемся 9—16 марта 4-м съезде объединенного дворянства было предпринято новое широкое наступление на проект местной реформы. Доклад по этому вопросу был поручен Ф. Д. Самарину. И хотя Совет объединенного дворянства решил, что доклад этот будет сделан от имени самого Самарина без официального заключения Совета,⁹⁸ выбор докладчика демонстрировал позицию дворянских лидеров.

Ф. Самарин повторил основные положения записки московского дворянства, вновь подчеркнув, что «из всего множества законодательных предположений, которые внесены правительством на рассмотрение Государственной думы, выделяются по своему первостепенному значению законопроекты, касающиеся двух вопросов: 1) вопроса о крестьянском землевладении и 2) вопроса о реформе местного управления».⁹⁹ Как и в докладе Самарина, в выступлениях участников съезда главное внимание было сосредоточено на защите сословного принципа и прежних прерогатив уездного предводителя дворянства. Нижегородский губернский предводитель С. М. Прутченко называл планы Министерства внутренних дел враждебными дворянству, поскольку ими

⁹⁴ Россия, 13 января 1908 г., № 655.

⁹⁵ Красный архив, 1935, № 5 (72), с. 137.

⁹⁶ Русское слово, 8 февраля 1908 г., № 32; Русские ведомости, 20 мая 1908 г., № 116.

⁹⁷ Красный архив, 1935, № 5 (72), с. 140.

⁹⁸ Русские ведомости, 8 марта 1908 г., № 57.

⁹⁹ Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 53.

Министерство «подкапывается под должность уездного предводителя, этой красы всероссийского дворянства».¹⁰⁰ Ему вторил В. М. Пуришкевич, говоривший: «Не время и невместно нам разбираться в пользе или вреде предводителей, а мы просто должны отринуть этот проект, указав, что он является обидным и оскорбительным для того сословия, которое в течение 150 лет являлось носителем чисто русских идеалов: преданности церкви, царю и отечеству». Столь же патетически выступал Пуришкевич и в защиту сословных перегородок, утверждая, что страна, в которой эти перегородки разрушаются, «не может ожидать блестящего будущего и обречена на падение».¹⁰¹ Саратовский делегат, член фракции правых в III Думе Э. А. Исеев заявлял, что введение бессословности «сознательно или бессознательно» ведет Россию к республиканскому строю, поскольку сословность является опорой монархии.¹⁰² Еще более высокую ноту взял в своем выступлении один из лидеров Совета объединенного дворянства Д. Н. Цертелев. «Тридцать лет назад, — восклицал он, — был возбужден вопрос о мелкой земской единице, разрешившийся 1 мартом».¹⁰³

За всеми словами о защите монархии и государственных интересов стоял в действительности корыстный интерес помещиков, стремившихся сохранить свои позиции в деревне и во всей системе управления. Это откровенно признавали в своих выступлениях и С. Е. Толмачев, говоривший, что реформы, задуманные правительством, «так велики, так крупны, что ... пережить их у нас не хватит ни сил, ни средств»,¹⁰⁴ и Я. А. Ушаков и Д. Н. Кованько, считавшие совершенно невозможным положение дворян в деревне в случае, если будет создана сословная волость и «нас приравняют к членам волостного схода».¹⁰⁵ Не случайно выступления против реформы местного управления сочетались с сетованиями на ускоряющийся процесс потери дворянством его земель, ответственность за который также возлагалась на аграрную политику правительства, и требованиями искусственных мер для сохранения дворянского землевладения.¹⁰⁶

Последовательно выступая за сохранение господствующих позиций помещичьего дворянства, съезд высказался и против реформы местного суда, задуманной на тех же принципах, что и местная реформа. В особенности настойчиво съезд требовал сохранения как волостного суда в качестве исключительно кре-

¹⁰⁰ Там же, с. 48.

¹⁰¹ Там же, с. 247.

¹⁰² Там же, с. 112.

¹⁰³ Там же, с. 145.

¹⁰⁴ Там же, с. 83.

¹⁰⁵ Там же, с. 145, 196.

¹⁰⁶ Там же, с. 137—138, 241—242.

стьянского учреждения, так и института земских начальников.¹⁰⁷ Съезд поднял также вопрос об увеличении числа членов Государственного совета, избираемых непосредственно дворянскими собраниями. Это требование прямо мотивировалось тем, что земская реформа может изменить социальное и политическое лицо земств и их представители в Государственном совете окажутся либеральными.¹⁰⁸

Принятое съездом постановление объявляло реформу местного управления не только «нежелательной и нецелесообразной», но и «вредной», а устранение сословных привилегий дворянства несовместимым с «правильно понимаемой заботой о сохранении и развитии монархического начала». Постановление требовало сохранить прежнюю роль за уездными предводителями дворянства и земскими начальниками и высказывалось против введения бессословного принципа в организацию местного управления и суда. Иными словами, задуманные Столыпиным реформы отвергались целиком. Наконец, в постановлении выражалось недовольство передачей проекта реформ на обсуждение Совета по делам местного хозяйства, а не непосредственно дворянских и земских собраний.¹⁰⁹

Выпад против Совета по делам местного хозяйства был связан с тем, что Столыпин созвал первую сессию Совета как раз в момент заседаний съезда объединенного дворянства — 11 марта — и передал на ее обсуждение правительственные проекты волостного и поселкового управления и земской избирательной реформы. В состав Совета входили Столыпин в качестве председателя и С. Е. Крыжановский — его заместителя, 20 представителей министерств (из них 17 — от МВД), 10 губернаторов, 10 губернских предводителей дворянства, 12 представителей земств, утвержденные в звании членов Совета на три года, и приглашенные на правах членов Совета 17 представителей от земств, 12 — от городов и 6 губернских и уездных предводителей.¹¹⁰ Такой состав Совета расценивался дворянством как недостаточно обеспечивавший его интересы.

Выступая при открытии заседаний Совета по делам местного хозяйства на следующий день после доклада Самарина на дворянском съезде, Столыпин, явно отвечая на критику справа, говорил: «Я знаю, многие думают, что пока еще нет в деревне полного успокоения, необходимо все оставить по-старому. Но правительство думает иначе и сознает, что его обязанность способ-

¹⁰⁷ Там же, с. 156—159, 313, 321.

¹⁰⁸ Там же, с. 21—22.

¹⁰⁹ Свод постановлений I—X съездов уполномоченных объединенных дворянских обществ. СПб., 1915, с. 48—52.

¹¹⁰ Список личного состава общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1906 г., д. 73, ч. IV, л. 52—53.

ствовать улучшению местного строя». На деле, однако, внесенный на рассмотрение Совета проект свидетельствовал о значительной сдаче позиций под давлением справа. Стремясь показать готовность прислушиваться к голосу «первенствующего сословия», Столыпин в своей вступительной речи специально подчеркнул, что «у правительства существует намерение настаивать на том, чтобы сохранить в земстве влияние и значение наиболее культурного, наиболее образованного элемента, наиболее притом привыкшего к земской работе, а именно класса поместных землевладельцев».¹¹¹

Было изменено распределение уездных избирателей по куриям, в особые курии были выделены полноценовики (а не владельцы половины ценза, как первоначально), владельцы земельных и иных недвижимых имуществ оценочной стоимостью не ниже 7500 руб. и в качестве третьей курии — волостные собрания. При этом в уездные гласные от волостных собраний могли, однако, избираться только крестьяне. Отказалось Министерство и от пропорционального распределения числа гласных между куриями. Новый проект предусматривал, что число гласных от крестьян устанавливается в размере, составляющем половину того, который приходился бы на их долю при пропорциональном распределении; гласные от землевладельцев должны были составлять не менее $\frac{1}{3}$ от общего их числа, а остальное падало на представителей торгово-промышленных кругов. «Только путем таких искусственных поправок, — формулировал Крыжановский позицию правительства, — можно обеспечить надлежащий состав уездных гласных ... и без крупных потрясений постепенно допустить новые элементы к участию в земском самоуправлении».¹¹²

Проект поселкового управления предусматривал создание органов власти (поселковый сход и поселковый староста) для крупных сел, фабрично-заводских или дачных поселков и т. п. в границах «черты усадебной оседлости селения», т. е. не включая земельные угодья помещиков, даже если они живут в этом поселке. К тому же создание поселковых органов управления объявлялось факультативным и зависело от желания жителей поселка. При выборах поселкового управления сохранялся налоговый ценз.¹¹³

Наименьшим изменениям подвергся проект волостного управления. Правительство по-прежнему настаивало на создании все-

¹¹¹ Речь П. А. Столыпина 11 марта 1908 г. при открытии общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. ЦГИА, СССР, ф. 1288, оп. 1, д. 29, л. 3—4.

¹¹² Журнал № 1 комиссии по земской избирательной реформе Совета по делам местного хозяйства 12 марта 1908 г. Там же, д. 2, л. 1—2.

¹¹³ Журнал № 1 комиссии по поселковому управлению Совета по делам местного хозяйства. Там же, л. 61.

сословной волости, имеющей не только и не столько хозяйственные, сколько административные функции и поэтому вводимой повсеместно, а не в зависимости от решения уездного земства. Подчеркивая примат административных функций над земскими в создаваемом волостном управлении, Столыпин в уже цитированной речи при открытии Совета по делам местного хозяйства говорил: «Министерство настаивает на необходимости иметь крепкую, упорядоченную мелкую административную единицу, хотя и основанную на выборном начале, но ни в коем случае не могло бы помириться с созданием одной мелкой земской единицы, на которую в качестве приходящей функции было бы возлагаемо исполнение некоторых административных поручений».

Новые проекты МВД были подвергнуты в Совете критике с двух сторон. Реакционное дворянство по-прежнему выступало против реформы вообще. М. В. Пуришкевич (отец) риторически вопрошал, не вызовет ли она «нового беспокойства в деревне» и не лучше ли, «не вдаваясь в коренную реформу», «ограничиться частичными улучшениями».¹¹⁴ М. Я. Говорухо-Отрок, граф В. Ф. Дорер и князь А. П. Урусов от имени курского и тульского губернских земств заявили протест против «коренной ломки существующего сословно-корпоративного строя уездной жизни», каковую они видели в создании всесословной волости и расширении контингента избирателей уездного земства. Они предсказывали, что реформа, «не удовлетворив нисколько и не примирив оппозиционные группы населения и подорвав в корне влияние элементов консервативных, ... внесет вновь в начинающую устраиваться местную жизнь новый разлад».¹¹⁵

С другой стороны, часть октябристов и представители городов отстаивали введение налогового ценза как в волости, так и в уезде. Они указывали, что сохранение имущественного ценза лишает избирательных прав лиц, уплачивающих торговые и промысловые сборы.¹¹⁶ Города добивались также большего для себя представительства в уездном земстве — пропорционально сумме земских сборов. Однако большинство Совета решило установить число гласных от городов пропорционально их населению (что уменьшало квоту, так как сборы с городов были более высокими), и притом не свыше $\frac{1}{6}$ от общего числа гласных.¹¹⁷

Изменения, принятия которых добивалось большинство членов Совета, представлявших местное дворянство, и на которые в об-

¹¹⁴ Журнал № 1 комиссии по земской избирательной реформе. Там же, л. 3.

¹¹⁵ Особое мнение М. Я. Говорухо-Отрока и др. к журналу общего присутствия Совета по делам местного хозяйства 1 апреля 1908 г. Там же, д. 17, л. 4—5.

¹¹⁶ Особое мнение Н. Рихтера и др. к журналу общего присутствия Совета по делам местного хозяйства 2 апреля 1908 г. Там же, л. 14.

¹¹⁷ Стенограмма дневного и вечернего заседания общего присутствия Совета по делам местного хозяйства 5 апреля 1908 г. Там же, д. 25, л. 231.

щем соглашались и включенные в Совет чиновники Министерства внутренних дел, были направлены на еще большую защиту интересов помещиков. С этой целью были отвергнуты попытки заменить земельный ценз имущественным, причем было откровенно заявлено, что помещичьи земли оценены ниже промышленных предприятий и отмена земельного ценза нарушила бы «равномерность представительства в земстве класса землевладельцев, с одной стороны, и неземельных собственников, с другой».¹¹⁸ С этой же целью владельцы земельной и неземельной собственности в уезде были распределены по разным куриям, дабы (не дай бог!) хозяева промышленных предприятий не забаллотировали помещиков. В особую курию были выделены и самые мелкие собственники земельных участков. В результате вместо трех курий по министерскому проекту было создано семь — две для полноцензовиков (земельных и неземельных), две для владельцев собственности не менее $\frac{1}{10}$ ценза (тоже отдельно земельных и торгово-промышленных), одна для владельцев менее $\frac{1}{10}$ ценза, одна для владеющих недвижимым имуществом в городах и одна для крестьян-общинников.¹¹⁹ После продолжительных споров за крупными землевладельцами было решено зарезервировать половину мест гласных уездного земства, причем некоторые члены Совета считали и эту цифру недостаточной и добивались квоты в $\frac{2}{3}$.¹²⁰ Один из видных октябристов правого крыла, екатеринославский помещик С. Т. Варун-Секрет вместе с М. Пуришкевичем призывал не бояться «преобладания в земстве представителей от крупных землевладельцев».¹²¹

Была введена куриальная система и при выборах в волостные управления — крестьяне-общинники были отделены от частных землевладельцев, причем полноцензовики получили право автоматического включения в число волостных гласных.¹²² В противном случае, говорил А. П. Урусов, мотивируя это требование, «мало того, что их забаллотировуют, но вдобавок будут еще распоряжаться их деньгами».¹²³

Хотя правительство и не обязано было принимать все рекомендации Совета по делам местного хозяйства, являвшегося совещательным органом, давление помещичьей оппозиции явно ска-

¹¹⁸ Журнал № 8 комиссии по земской избирательной реформе. Там же, д. 2, л. 28.

¹¹⁹ Журнал № 13 комиссии по земской избирательной реформе. Там же, л. 43.

¹²⁰ Стенограмма заседания общего присутствия Совета по делам местного хозяйства 5 апреля 1908 г. Там же, д. 25, л. 230—236.

¹²¹ Журнал № 15 комиссии по земской избирательной реформе. Там же, д. 2, л. 49.

¹²² Журнал № 7 комиссии по волостному управлению. Там же, л. 105—106.

¹²³ Стенограмма дневного заседания общего присутствия Совета по делам местного хозяйства 1 апреля 1908 г. Там же, д. 25, л. 13.

залось на Столыпине. Сразу же после окончания работы весенней сессии Совета он пришел к выводу, что законопроекты МВД «потерпят значительные изменения».¹²⁴ В то же время он еще не считал нужным полностью отказываться от своих планов, рассчитывая на поддержку царя. Во всяком случае в конце марта Николай еще соглашался с позицией Столыпина. Вероятно, именно этим следует объяснить необычную для Николая ноту в его письме к матери от 27 марта 1908 г., как раз в разгар споров дворянских делегатов в Совете по делам местного хозяйства с представителями правительства. «Теперь, когда стало спокойнее, — писал Николай, — дворянство начало жаловаться па разные нововведения и реформы, — но спрашивается, как и чем оно помогло правительству в страшную осень 1905 г. Ровно ничем».¹²⁵

Со своей стороны объединенное дворянство также стремилось оказать давление на царя. 2 апреля депутация дворянского съезда, возглавленная А. А. Бобринским, представила царю письменный обзор деятельности съездов, изложение доклада Ф. Самарина о местной реформе и резолюцию 4-го съезда по этому вопросу, а в устном докладе затронула и вопрос о реформе местного суда.¹²⁶ Николай обещал депутации, что права уездного предводителя не будут умалены.¹²⁷ В июне Гурко вновь представил Николаю доклад о работе 4-го съезда объединенного дворянства, повторив в нем резкую критику правительства и его планов. В докладе утверждалось, что правительство своими реформами подрывает именно те учреждения, которые «отстояли царское самодержавие и русский исторический уклад», и не собирается реформировать те, которые оказались рассадниками мятежа — школу, печать и суд присяжных.¹²⁸

Одновременно активизировались правые в Государственном совете и в церковных кругах. Во главе правых в Государственном совете встали заведомые противники Столыпина — П. Н. Дурново, А. С. Стишинский, Ф. Д. Самарин, А. А. Нарышкин и П. Н. Кобылинский.¹²⁹ Вскоре после этого Государственный совет, по настоянию Шванебаха, отклонил принятый Думой правительственный законопроект о штатах морского генерального штаба,¹³⁰ заложив тем самым фундамент будущего кризиса. В ходе прений по этому вопросу Дурново пока еще в косвенной форме обвинил

¹²⁴ См. резолюцию Столыпина на отношении псковского губернского предводителя дворянства от 8 апреля 1908 г. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1906 г., д. 73, ч. II, л. 243.

¹²⁵ Красный архив, 1932, № 1—2 (50—51), с. 184.

¹²⁶ Голос Москвы, 3 апреля 1908 г., № 78.

¹²⁷ Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909, с. 102—103.

¹²⁸ Речь, 25 июня 1908 г., № 150.

¹²⁹ Речь, 13 июня 1908 г., № 140.

¹³⁰ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907—8 годы. Сессия третья. СПб., 1908, стб. 2230,

правительство во вмешательстве в область верховного управления.¹³¹ В июле в Киеве состоялся миссионерский съезд, резко обрушившийся на вероисповедные законы Столыпина. Правые церковники крайне враждебно встретили обер-прокурора Извольского, предлагавшего положить в основу суждений съезда указ 17 апреля о веротерпимости, и решили просить Николая изъять из Думы вероисповедные законопроекты. На съезде было оглашено приветствие от «Союза русского народа», в котором правительство обвинялось в насаждении «конституционных свобод, вторгшихся в недра русского народа под покровом враждебных православию законов».¹³² Правда, Столыпин в беседе с Гучковым заявил, что не собирается брать назад вероисповедные проекты,¹³³ и даже запросил Департамент духовных дел МВД, какие из этих проектов являются спешными, обещая ускорить их прохождение в Думе. Но директор Департамента, видимо учувявший направление ветров в сферах, ответил, что ни один из законопроектов не представляется ему спешным.¹³⁴ Да и сам Столыпин уже начал проявлять колебания в этом вопросе, послав проекты для заключения Льву Тихомирову, ответ которого предугадать было нетрудно. В сентябре Тихомиров прислал свои замечания, подвергнув вероисповедные законы резкой критике за умаление преимуществ православной церкви.¹³⁵

В обстановке активизации правых и, вероятно, в связи с приемом Гурко в Царском Селе распространились слухи о том, что противники Столыпина задумали, используя его отсутствие, провести Гурко в состав кабинета и этим вынудить Столыпина выйти в отставку, поскольку тот считал Гурко слишком скомпрометированным скандальным делом Лидваля.¹³⁶ Это вызвало переполох у октябристов, заговоривших о новом «заговоре реакции». Правда, на сей раз тревога октябристов встретила скептическое отношение либеральной прессы. В октябре, когда кадеты и октябристы попытались поставить на обсуждение Думы судебную реформу, а в Совете по делам местного хозяйства заканчивались приготовления к осенней сессии, где должна была рассматриваться уездная реформа, нападки правых на Столыпина усилились. В придворных кругах была распространена записка, озаглавленная «Накануне государственного переворота». В ней Столыпин и Гучков обвинялись в замыслах, направленных на свержение мо-

¹³¹ Там же, стб. 1718.

¹³² Речь, 16 июля 1908 г., № 168; Голос Москвы, 27 июля 1908 г., № 174.

¹³³ Слово, 31 августа 1908 г., № 550.

¹³⁴ Столыпин — Директору Департамента духовных дел МВД, 29 августа 1908 г. и Директор Департамента духовных дел — Столыпину, 6 сентября 1908 г. ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 10, д. 39, л. 245 и 246.

¹³⁵ Л. Тихомиров — Столыпину, [б. д.] и Замечания на законопроекты о свободе совести, 25 сентября 1908 г. Там же, д. 46, л. 3 и 4—14.

¹³⁶ Речь, 29 августа 1908 г., № 206.

нархии. Ряд мест в этой записке текстуально совпадал с передовицей черносотенной газеты «Вече» от 2 сентября.¹³⁷ В сферах опять заговорили о возможной в ближайшем будущем отставке премьеря и замене его Дурново или Кривошеинным.¹³⁸

Все это не могло не отразиться на позиции Столыпина на осенней сессии Совета по делам местного хозяйства. Внося на рассмотрение сессии проект уездной реформы, Министерство внутренних дел постаралось подобрать статистический материал, доказывающий, что уездные предводители дворянства физически не в состоянии отправлять свои председательские функции во всех тех случаях, которые предусмотрены их прерогативами, а более четверти предводителей вообще бывает в своих уездах лишь изредка.¹³⁹ И все же, выступая с речью на открытии сессии Совета и подчеркивая, что он придает «особое значение» своим планам уездной и губернской реформы, Столыпин вынужден был пойти на уступки дворянской оппозиции. Повторив аргументы о невозможности сохранять уездного предводителя в качестве главы местного управления, Столыпин, однако, заявил: «Правительство не связывает насильственно этой должности (начальника уезда, — В. Д.) с должностью предводителя дворянства, ... но ... первыми кандидатами на должность начальников уезда считает уездных предводителей».¹⁴⁰

Уступки Столыпина не удовлетворили реакционное дворянство. Его представители в Совете выступили против совмещения должностей уездного предводителя и начальника уезда, видя в таком совмещении подрыв авторитета предводителя — а вдруг МВД не утвердит предводителя дворянства начальником уезда и т. п.¹⁴¹ Дворянские делегаты настаивали на сохранении за предводителем председательствования в уездном совете и ограничении начальника уезда «обязанностями исполнительно-административными и полицейскими»,¹⁴² что, по мнению Столыпина, сводило эту должность к роли полицейского исправника.¹⁴³ Секретарь Совета объединенного дворянства С. А. Панчулидзе, С. Т. Варун-Секрет и другие помещичьи представители выступали и против права начальника уезда ревизовать учреждения дворянской опеки, видя в этом попытку ограничить самостоятельность дворянских учреждений.¹⁴⁴

¹³⁷ Голос Москвы, 17 и 18 октября 1908 г., № 241 и 242.

¹³⁸ Русские ведомости, 23 октября 1908 г., № 246.

¹³⁹ Справка Земского отдела МВД. ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 1, 1908 г., д. 3, л. 20.

¹⁴⁰ Россия, 22 ноября 1908 г., № 922.

¹⁴¹ Журнал № 2 комиссии по уездному управлению Совета по делам местного хозяйства. ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 1, 1908 г., д. 3, л. 36.

¹⁴² Журнал № 7 комиссии по уездному управлению. Там же, л. 56.

¹⁴³ Журнал № 5 общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. Там же, л. 90.

¹⁴⁴ Журнал № 3 комиссии по уездному управлению. Там же, л. 39.

Подводя впоследствии итоги обсуждения уездной реформы в Совете по делам местного хозяйства, И. Я. Гурлянд писал Столыпину, что крики об оскорблении, наносимом идее дворянства, прикрывали сугубо практические интересы консервативных дворянских кругов. Создание должности начальника уезда подрывало карьеристские устремления уездных предводителей, поскольку правительство стало бы рассматривать впредь не предводителей, а именно начальников уезда как подходящую кандидатуру на освобождающиеся должности губернаторов и вице-губернаторов, а подчинение начальнику уезда местной полиции «с очевидностью меняет всю сущность отношений между помещиками-дворянами и администрацией уезда». Понимая необходимость усиления власти на местах, дворянские делегаты в Совете по делам местного хозяйства тем не менее видели в этом усилении власти «конец дворянства». «Рассчитывая более на правительство, чем на себя, — констатировал Гурлянд, — консервативные группы всегда уверены, что правительство их недостаточно поддерживает, а когда правительство предъявляет к ним требования во имя государственного начала, они первые бросают правительству упрек в излишнем властолюбии и в нежелании считаться с священным принципом общественной самодеятельности».¹⁴⁵

Большинством 13 против 9 комиссия по уездному управлению высказалась против председательствования начальника уезда в уездном совете.¹⁴⁶ Большинство комиссии отвергло также возможность совмещения должностей уездного предводителя и начальника уезда и право последнего реорганизовать дворянские учреждения.¹⁴⁷ Правда, общее присутствие Совета по делам местного хозяйства, тоже выступив против совмещения функций начальника уезда и уездного предводителя в одном лице, утвердило 39 голосами против 30 право начальника уезда председательствовать в уездном совете.¹⁴⁸ Но в этом большинстве по данным МВД 9 человек, а по утверждению Панчулидзева 22 были представителями ведомств,¹⁴⁹ что делало большинство очень сомнительным. К тому же представители дворянства приложили к протоколам Совета свои особые мнения в защиту уездных предводите-

¹⁴⁵ [Записка Гурлянда] «Уездная реформа», [б. д. и авт.]. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1907 г., д. 5-а, ч. 3, л. 111—120. Авторство и дата установлены по: Гурлянд — Столыпину, 20 июля 1909 г. Там же, л. 96.

¹⁴⁶ Журнал № 7 комиссии по уездному управлению. ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 1, 1908 г., д. 3, л. 57.

¹⁴⁷ Основные положения по уездному управлению. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1907 г., д. 5-а, ч. 1, л. 207.

¹⁴⁸ Журнал № 5 общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 1, 1908 г., д. 3, л. 90—91.

¹⁴⁹ Проект объяснительной записки Департамента общих дел по вопросу об уездной реформе, [б. д., после 1911 г.]. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1907 г., д. 5-а, ч. 3, л. 69; Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 110.

лей, считая, что если вместо них во главе уезда окажется правительственный чиновник, «население, естественно, решит, что предводители, а следовательно и все избирающее их поместное дворянство, лишится доверия царя».¹⁵⁰ В результате Столыпин был вынужден предложить внести на дальнейшее обсуждение как проект МВД, так и проект большинства комиссии по уездному управлению.¹⁵¹

Резкое сопротивление представителей дворянства (а также губернаторов, участвовавших в работе Совета) вызвал и проект губернской реформы, причем наибольшее недовольство вызвало усиление власти МВД над губернаторами. Проект Министерства собрал большинство только благодаря голосам его же собственных чиновников и представителей земств и городов.¹⁵²

Несмотря на ожесточенное сопротивление со стороны дворянства и несмотря на уступки, которые ему пришлось сделать в ходе работы Совета по делам местного хозяйства, Столыпин на рубеже 1908—1909 гг., видимо, еще не считал свое дело проигранным окончательно. 18 декабря 1908 г., сразу по окончании осенней сессии Совета, МВД внесло в Думу проекты волостного и поселкового управления. В соответствии с требованиями помещиков были созданы отдельные курии для крестьян-общинников и землевладельцев при выборах в волостное управление. Внутри землевладельческой курии «отдельным группам избирателей, уплачивающим в совокупности земские сборы в таком размере, который соответствует по расчету избираемого собранием числа гласных одному и более гласным, предоставляется заявить о желании своем произвести выборы гласных между собой». Это давало возможность дворянам-помещикам обособиться от кулаков и провести своих кандидатов. Обладатели полного ценза проходили в гласные без выборов.¹⁵³ Точно так же, без выборов, проходили в гласные поселкового управления обладатели ценза свыше 7500 руб.¹⁵⁴ Но министерский проект сохранял всеословность волостного управления, вызывавшую столь резкие нападки на дворянских съездах, и обязательность повсеместного проведения волостной реформы, против чего также возражали правые.

В планы Столыпина входило форсировать проведение первого этапа местной реформы через Думу. Еще в октябре 1908 г., уведомляя Н. А. Хомякова о том, какие из своих законопроектов

¹⁵⁰ Особое мнение С. А. Панчулидзева. Там же, с. 205.

¹⁵¹ Журнал № 5 общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 1, 1908 г., д. 3, л. 91.

¹⁵² Справка И. Я. Гурлянда по вопросу о губернской реформе. 27 августа 1909 г. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1906 г., д. 73, ч. VII, л. 178.

¹⁵³ Проект положения о волостном управлении. (Объяснительная записка МВД). 18 декабря 1908 г. ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 6, д. 35, л. 18—48.

¹⁵⁴ Проект положения о поселковом управлении. (Объяснительная записка МВД). 18 декабря 1908 г. Там же, д. 34, л. 21—38.

правительство считает первоочередными, Столыпин на первое место (после бюджета) поставил «законопроекты, регулирующие местную жизнь и прежде всего ее основные ячейки: волость и поселок», подчеркнув при этом, что от принципа, положенного в основу волостного управления, «зависит дальнейшее развитие реформы местного управления» и местного суда.¹⁵⁵ В январе 1909 г. Столыпин беседовал с представителями правых и умеренных в Думе Г. Г. Замысловским и П. Н. Балашовым и заявил им, что правительство очень хочет, чтобы проекты волостного и поселкового управления были рассмотрены еще в эту сессию Думы.¹⁵⁶ Об этом же Столыпин говорил 2 февраля Хомякову.¹⁵⁷ Как будет видно из дальнейшего, Столыпин еще считал возможным провести и свой проект уездной реформы.

Однако начало 1909 г. ознаменовалось новым натиском крайних правых на правительство Столыпина, очень сильно повлиявшим на всю его дальнейшую политику. В ряду причин, вызвавших этот натиск, не последнее место занимало желание Столыпина настоять на реформе местного управления. Много лет спустя один из ближайших помощников Столыпина, защищавший планы МВД в Совете по делам местного хозяйства и разделявший мнение Столыпина об их необходимости, — С. Е. Крыжановский — писал: «Попытка затронуть особое положение дворянства в местном управлении ... подняла против него такие слои, которые имели большое влияние у престола; приближенные государя открыто его осуждали».¹⁵⁸

В конце декабря 1908 г. в Петербурге без особой огласки состоялось совещание Совета объединенного дворянства с рядом губернских предводителей. Обсуждался вопрос, как действовать в связи с тем, что большинство Совета по делам местного хозяйства приняло проект уездной реформы в министерском варианте. Хотя идея депутации к царю была отвергнута как не имеющая шансов на успех, дворянские лидеры не теряли надежды не только отвергнуть несправедливый им проект, но и убрать его авторов.¹⁵⁹ Вскоре после этого граф Коновницын заявил в совете «Союзу русского народа», ссылаясь на «высокий источник», что в марте в состав правительства будут призваны более правые деятели.¹⁶⁰ Небезосновательность подобного рода заявлений стала очевидной, когда в начале февраля обер-прокурор Синода П. Извольский (считавшийся вместе со своим братом — министром ино-

¹⁵⁵ Столыпин — Хомякову, 17 октября 1908 г. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 4, л. 181—182.

¹⁵⁶ Слово, 16 января 1909 г., № 680.

¹⁵⁷ Речь, 5 февраля 1909 г., № 35.

¹⁵⁸ С. Е. Крыжановский. Воспоминания. [Петрополис], [б. г.], с. 213.

¹⁵⁹ Речь, 2 февраля 1909 г., № 32.

¹⁶⁰ Слово, 8 января 1909 г., № 672.

странных дел самым левым в кабинете) был вынужден уйти в отставку. Газеты отметили значительную активизацию салонов графини Игнатьевой и графа С. Д. Шереметева, вокруг которых группировались наиболее видные представители крайней реакции.¹⁶¹ Шереметев, уже с осени 1908 г. вынашивавший план объединения «чистых» организаций крайних правых (без союзов «Русского парода» и «Михаила Архангела»), надеялся на возможность пересмотра вопроса о форме правления (т. е. ликвидации Думы) с помощью подготовляемого им «призыва ландштурма» — какого-то выступления реакционных сфер в форме «чистого исповедания своего политического credo» и «зрелого патриотического порыва» на манер адреса московских дворян.¹⁶²

С 17 по 23 февраля 1909 г. проходил 5-й съезд объединенного дворянства, которому предшествовали совещания в более узком кругу губернских предводителей под председательством А. Д. Самарина, вновь подтвердившие отрицательное отношение к губернской и уездной реформе.¹⁶³ Съезд объединенного дворянства в свою очередь подтвердил прошлогоднее постановление, направленное против местной реформы, и особо оговорил недопустимость совмещения в одном лице должностей начальника уезда и предводителя дворянства, поскольку такое совмещение лишит предводителя «независимости от местной администрации».¹⁶⁴ Хотя съезду было сообщено обещание Николая не умалять права уездных предводителей, это не удовлетворило собравшихся. Марков говорил о необходимости продолжать давление, ибо «мы видим, что здесь существуют трения: с одной стороны, личное желание его императорского величества, с другой стороны, направление правительства».¹⁶⁵ Опасения Маркова были не лишены оснований. «Россия» высказывала явное недовольство съездом и писала, что «едва ли ... если о деятельности съезда мы узнаем подробнее, чем знаем до сих пор, мы будем иметь возможность примкнуть к его настроениям и пожеланиям».¹⁶⁶

Действительно, ход съезда показал, что дворянская реакция все дальше заходит в неприятие политики правительства. Критике была подвергнута финансовая политика, якобы построенная так, чтобы разорить крупных землевладельцев.¹⁶⁷ Все более открыто выступали противники аграрной реформы. А. Я. Ушаков подчеркнул прямую связь аграрной реформы и планов реорганизации

¹⁶¹ Русское слово, 12 и 28 февраля 1909 г., № 34 и 48.

¹⁶² С. Д. Шереметев — Ф. Д. Самарину, 20 января 1909 г. РО ГБЛ, ф. 265, папка 208, ед. хр. 25.

¹⁶³ Голос Москвы, 17 февраля 1909 г., № 38.

¹⁶⁴ Свод постановлений I—VIII съездов уполномоченных дворянских обществ. СПб., 1913, с. 34—35.

¹⁶⁵ Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 117.

¹⁶⁶ Россия, 21 февраля 1909 г., № 996.

¹⁶⁷ Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 25.

местного управления, заявив, что они составляют «одну целую систему», в результате осуществления которой «весь наш уклад русской жизни, вся наша старина пойдут насмарку».¹⁶⁸ И хотя один из старейших представителей консервативного лагеря К. Ф. Головин вступился за столыпинскую аграрную реформу, он тоже не хотел делать логических выводов из нее и представил съезду специальный доклад против преобразования волостного управления, утверждая, будто «результатом образования всеобщих волостей будет создание из них лишних органов революционной агитации».¹⁶⁹

В выступлении Маркова содержались также и прямые нападки на манифест 17 октября, «смысл которого, — по его словам, — темен и до сих пор не получил утвердительного правильного толкования». Марков выражал надежду, что «это правильное толкование скоро последует».¹⁷⁰

Очередная атака на Столыпина справа, начатая в марте 1909 г., была связана именно с толкованием Основных законов империи. Правые в Государственном совете избрали в качестве предлога для попытки свергнуть Столыпина вопрос о прерогативах верховной власти в связи с законопроектом о штатах морского генерального штаба. Здесь нет необходимости вдаваться в подробности этой проблемы, уже получившей освещение в работах А. Я. Авреха. Надо, однако, подчеркнуть, что параллельно с выступлениями в Государственном совете по поводу закона о морском генеральном штабе продолжалось давление на Николая и по вопросу о местной реформе, причем обе кампании явно переплетались между собой. Где-то в первой половине марта А. А. Бобринский представил личный доклад царю об итогах 5-го съезда объединенного дворянства, причем в дворянских сферах утверждалось, что мнение съезда было встречено сочувственно.¹⁷¹ 13 марта Дурново, Витте и другие открыли кампанию против закона о штатах морского штаба. 17 марта состоялось частное совещание Совета объединенного дворянства, посвященное местной реформе. На нем выражалась уверенность в том, что дело об уездном предводителе еще нельзя считать проигранным, поскольку особое мнение Панчулидзева по этому вопросу (в Совете по делам местного хозяйства) замечено «в сферах» и ему дан ход.¹⁷²

19 марта большинство Государственного совета поддержало законопроект о морском генштабе, а на следующий день «Россия» поместила передовую статью, направленную против сопротивляю-

¹⁶⁸ Там же, с. 163.

¹⁶⁹ К. Ф. Головин. Предположенные административные реформы. ЦГИА СССР, ф. 899, оп. 1, д. 88, л. 3.

¹⁷⁰ Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 116.

¹⁷¹ Речь, 17 марта 1909 г., № 74. Бобринский докладывал о своей поездке к царю на заседании Совета объединенного дворянства 14 марта.

¹⁷² Голос Москвы, 19 марта 1909 г., № 64.

щихся местной реформе.¹⁷³ Вслед за тем «Россия» обрушилась на правых и по вопросу о морском штабе, заявив, что их выступление является попыткой произвести «пересмотр коренных начал русского государственного строя»¹⁷⁴ и что такая позиция свидетельствует об усилении у них антигосударственных тенденций, «ибо бороться против Манифеста 17 октября значит бороться прежде всего против государственности».¹⁷⁵ К концу марта, когда, казалось, Столыпин одержал верх над своими противниками в Государственном совете, относится и характерный документ, связанный с уездной реформой. 31 марта Николаю был представлен адрес дворян Дмитриевского уезда Курской губернии, высказывавшихся против реформы. Николай выразил сочувствие адресу, написав на полях: «Много правды в нем сказано». Но, согласно приписке Столыпина, «его величество соизволил указать, что резолюция на настоящем докладе объявлению дворянам Дмитриевского уезда не подлежит».¹⁷⁶ Столыпину удалось, таким образом, оставить вопрос об уездной реформе открытым.

Ситуация, однако, резко изменилась, когда Николай в конце апреля отказался утвердить закон о штатах морского генерального штаба, приняв, таким образом, сторону противников Столыпина. Согласившись остаться на посту премьера и приняв на себя поручение разработать правила, регулирующие применение 96 ст. Основных законов в духе требований правых, Столыпин тем самым признал свое поражение. Пытаясь взять реванш и ослабить позиции крайне правых, Столыпин с мая развернул шумную кампанию против «Союза русского народа», отказав черносотенцам в широком участии на торжествах по случаю 200-летия Полтавской битвы, дав санкции на арест по требованию финляндского суда организаторов убийства Герценштейна и попытавшись поставить во главе Союза новых людей, готовых сотрудничать с правительством. Но для того, чтобы удержаться у власти, Столыпин должен был теперь своими руками проводить политику, на которой настаивали правые. О том, что он отлично понимал сложившуюся ситуацию, свидетельствуют его же слова, обращенные к Николаю в дни апрельского кризиса: «Ваше величество хотите, по-видимому, опираться на крайних правых, имея умеренный кабинет».¹⁷⁷

Сразу же после апрельского кризиса началось отступление Столыпина от вынашивавшихся им проектов. В мае Дума приступила наконец к обсуждению внесенных правительством вероисповедных законов: о старообрядцах, о переходе из одного веро-

¹⁷³ Россия, 20 марта 1909 г., № 1019.

¹⁷⁴ Там же, 20 марта 1909 г., № 1020.

¹⁷⁵ Там же, 25 марта 1909 г., № 1023.

¹⁷⁶ Былое, 1918, № 12 (книга 6, июнь), с. 144.

¹⁷⁷ А. А. Поливанов. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916 гг. М., 1924, с. 70.

исповедного состояния в другое и об отмене ограничений, связанных со снятием сана. Выступая в прениях, Столыпин прямо признал, что на этих законопроектах проверяется, сохранило ли правительство прежний курс, и пытался доказать неизменность своей политики.¹⁷⁸ Однако в действительности выступления Столыпина, Крыжановского и товарища обер-прокурора Синода Роговича показали сползание правительства вправо, «полную готовность признать принцип на словах и столь же полную готовность отступить от него на деле».¹⁷⁹ Более чем умеренные законы, не признававшие и в думской редакции права граждан на внеконфессиональное состояние, сохранявшие юридические ограничения для неправославных и для людей, добровольно снявших с себя священнический сан, законы, в главных своих основаниях повторявшие проекты самого Министерства внутренних дел, были теперь враждебно встречены официозной «Россией», которая заявила, будто в них «содержится определенное нежелание считаться с тем, что законы предположены к осуществлению в русском православном государстве».¹⁸⁰ В сентябре Столыпин рекомендовал Совету министров взять из Думы два других вероисповедных законопроекта — об отношении государства к отдельным исповеданиям и о смешанных браках, поскольку-де они в свое время были внесены без предварительного сношения с Синодом.¹⁸¹ Смысл этого шага был подчеркнут комментариями «России», прямо объяснявшей необходимость пересмотра законопроектов тем, что они нарушают канонические права православной церкви.¹⁸²

Та же судьба постигла и проект уездной реформы. В мае А. А. Бобринский, выступая в Думе и формально отвечая кадету Ф. И. Родичеву, а фактически имея в виду и Столыпина, вновь демонстративно заявил, что «дворянство есть один из тех устоев, на которых зиждется весь наш современный государственный строй», и что покушения на привилегии дворянства ведут к падению монархии.¹⁸³ На протяжении последующих месяцев дворянские собрания различных губерний продолжали кампанию в защиту прерогатив уездного предводителя, попутно нападая на все принципы, положенные в основание местной реформы. Ярославское дворянство заявило, что оно «признает себя и ныне достаточно сильным для сохранения в своих руках этой руководящей

¹⁷⁸ Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия II, ч. II, СПб., 1909, стб. 1763—1764.

¹⁷⁹ Там же, стб. 1785. Из выступления В. А. Маклакова.

¹⁸⁰ Россия, 28 мая, 1909 г., № 1077.

¹⁸¹ Представление МВД в Совет министров 6 сентября 1909 г. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 6, л. 2—20.

¹⁸² Россия, 13 октября 1909 г., № 1195.

¹⁸³ Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия II, ч. II, стб. 2825.

роли» (в осуществлении власти на местах, — В. Д.).¹⁸⁴ Орловское дворянство в своем решении подчеркивало заслуги «старых учреждений» в подавлении революции. «Предводители дворянства, земские начальники, верные своему долгу, — говорилось в докладе комиссии орловского дворянства, — выдерживали непосредственно направленные на них революционные нападения». Опираясь на свои заслуги в подавлении революции, орловское дворянство высказывалось против реформ, проводимых «ради фикции равноправия и все того же предвзятого начала бессловности».¹⁸⁵

В конце сентября в шумевшем интервью редактору черпосотенной газеты «Волга» Столыпин в последний раз попробовал выступить в защиту своего проекта уездной реформы, намеченной по образцу «других благоустроенных государств».¹⁸⁶ Но 2 октября 1909 г. чрезвычайное собрание московского дворянства вновь выступило против реорганизации уездного управления и постановило довести до сведения правительства, что дворянство остается на точке зрения, высказанной в 1907 г.¹⁸⁷ Министерский проект был, по свидетельству Крыжановского, положен под сукно. Вопреки данному в июле заверению к началу очередной сессии Думы не был внесен и проект реформы земского избирательного права. «С этих пор, — писал Крыжановский о провале уездной реформы, — политика Столыпина пошла под гору и стала размываться на бесполезные выступления с мерами борьбы с Финляндией, по проведению Амурской железной дороги и т. п.».¹⁸⁸

1910—1911 гг. характеризовались дальнейшей сдачей позиций Столыпина в рассматриваемых вопросах. В мае 1910 г. Государственный совет провалил принятый Думой закон о старообрядцах, причем Дурново, делавший доклад от имени вероисповедной комиссии Совета, выступил не только против думского закона, но и против первоначального правительственного указа, проведенного в 1906 г. по 87 ст.¹⁸⁹ Критика эта не встретила ответа со стороны Крыжановского, тоже нападавшего на думский законопроект,¹⁹⁰ а «Россия» в эти самые дни поместила статьи А. Лукинского против старообрядцев, которых он снова называл «раскольниками».¹⁹¹ В декабре Государственный совет, опять-таки не встре-

¹⁸⁴ Выписка из журнала чрезвычайного ярославского губернского дворянского собрания 5 августа 1909 г. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1907 г., д. 5-а, ч. 1, л. 260.

¹⁸⁵ Доклад комиссии по обсуждению проектов о местной реформе чрезвычайному орловскому губернскому дворянскому собранию 6 сентября 1909 г. Там же, 1906 г., д. 73, ч. II, л. 285—286.

¹⁸⁶ Цит. по: Голос Москвы, 4 октября 1909 г., № 227.

¹⁸⁷ Речь, 3 октября 1909 г., № 271.

¹⁸⁸ С. Е. Крыжановский, ук. соч., с. 140.

¹⁸⁹ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1909—10 годы. Сессия пятая. СПб., 1910, стб. 2795—2796.

¹⁹⁰ Там же, стб. 2832.

¹⁹¹ Россия, 13 и 14 мая 1910 г., № 1373—1374.

тив сопротивления правительства, искорежил законопроект об ограничениях, связанных со снятием сана. Тогда же Столыпин пошел па выхолощивание реформы местного суда, заявив в комиссии Государственного совета, что правительство согласно сохранить волостной суд в качестве сословного института, юрисдикция которого распространялась бы только на крестьян.¹⁹²

Весной 1911 г. разразился роковой для Столыпина «мнистерский кризис», вызванный провалом в Государственном совете законопроекта о западном земстве, избранного правыми для нанесения окончательного удара по премьеру. Наиболее удобным объектом нападения был вопрос о национальных куриях, поскольку против них легче всего было собрать большинство голов.¹⁹³ Однако вопреки мнению А. Я. Авреха ход прений в Государственном совете показал, что наиболее неприемлемым для правых было в законопроекте понижение земского избирательного ценза. При прохождении проекта через Думу последняя ввела в него те самые положения, которые содержались в столыпинских проектах общей местной реформы, — всесословность и увеличение представительства кулака. Против этого выступил и поддержавший идею национальных курий Стишинский, говоривший, что при понижении избирательного ценза «мелкие землевладельцы, так сказать, задавят крупных и средних».¹⁹⁴ Еще резче выступали против расширения кулацкого представительства в земстве открытые враги законопроекта. По словам Зиновьева, не только в думском, но и в первоначальном варианте МВД законопроект уничтожает крупное и среднее землевладение, причем главную опасность Зиновьев видел в том, что «если мы сведем имущественный ценз до минимума, мы по этому пути должны идти неуклонно вниз, не только на западной окраине, но и на других окраинах и внутри России».¹⁹⁵ Еще более откровенно страх перед созданием прецедента звучал в выступлении одного из главных организаторов заговора против Столыпина —

¹⁹² Голос Москвы, 2 декабря 1910 г., № 278. См. также «Памятный листок» Столыпина. Декабрь 1910 г. ЦГИА СССР, ф. 1662, оп. 1, д. 320, л. 1.

¹⁹³ В споре о куриях проявилось и различие двух подходов к решению национального вопроса. Столыпин выступал за национальное размежевание с предоставлением преимуществ великорусам, но признавал наличие особых интересов у других национальностей России. Его противники отстаивали курс на насильственную русификацию других народов. Если, как утверждает Крыжановский, Столыпин одобрил его план выделения из состава России ее национальных окраин со статусом колоний и об этом могло стать известно членам Государственного совета, в архиве которого должен был находиться составленный Крыжановским проект (С. Е. Крыжановский, ук. соч., с. 130—132), это должно было сделать отношение традиционных русификаторов к идее национальных курий еще более настроенным.

¹⁹⁴ Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1910—11 годы. Сессия шестая. СПб., 1911, стб. 772.

¹⁹⁵ Там же, стб. 841, 954.

В. Ф. Трепова: «Сегодня на карту ставится консервативное монархическое начало земства — правда, в 6 западных губерниях, но не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что в эту игру будет вовлечено все всероссийское земство».¹⁹⁶ Снова, как и в ходе «министерского кризиса» 1909 г., в ряду причин, вызвавших натиск крайне правых, вопрос о земской реформе играл, таким образом, не последнюю роль.

Это прекрасно понимал и сам Столыпин, занявшийся после пирровой победы над Треповым и Дурново окончательной ликвидацией своего «реформаторского» багажа. В мае 1911 г. Министерство внутренних дел подготовило новый проект положения об уездном управлении, в котором сохранялись в неприкосновенности права уездного предводителя дворянства,¹⁹⁷ а «Россия» обрушилась на принятый Думой на основе правительственного проекта закон о волостном управлении. Пытаясь выйти из затруднительного положения, «Россия» ссылаясь на изменения, внесенные Думой в министерский проект якобы по вине кадетов,¹⁹⁸ хотя в действительности закон был октябристским детищем (в дальнейшем закон был отклонен Государственным советом). Тогда же «Россия» обещала, что правительство выступит при обсуждении в Государственном совете вопроса о переходе из одного вероисповедания в другое против думского законопроекта,¹⁹⁹ а Николай отказался утвердить закон об ограничениях, связанных со снятием сана.²⁰⁰ В итоге ни один из вероисповедных законов и ни один из проектов реформы местного управления не был проведен в жизнь вплоть до февраля 1917 г., и только закон о реорганизации местного суда, увеличивавший сеть органов министерства юстиции, начал осуществляться в ряде губерний накануне первой мировой войны, но сохранение крестьянского волостного суда полностью отрицало ту идею, ради которой закон в свое время проектировался. Столыпинские реформы не состоялись.

Итак, подведем итоги. Самодержавно-крепостнический лагерь не был в политическом отношении однородным. Наряду с группировками, понимавшими, что самодержавие неминуемо должно встать на бонапартистский путь лавирования, сделать еще один шаг в сторону превращения страны в буржуазную монархию, сохранялись легитимистски-крепостнические элементы, временно умолкшие в дни революции и поднявшие голову сразу после ее поражения. Столкновение этих двух группировок и определяло

¹⁹⁶ Там же, стб. 927.

¹⁹⁷ Положение об уездном управлении. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1907 г., д. 5-а, ч. 2, л. 3—31. Датируется по сопроводительному письму Крыжановского 27 мая 1911 г. Там же, л. 1—2.

¹⁹⁸ Россия, 17 мая 1911 г., № 1685.

¹⁹⁹ Там же, 18 мая 1911 г., № 1686.

²⁰⁰ Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за сессию 1910—1911 гг. СПб., 1911, с. 46—48.

содержание политической борьбы внутри правящего лагеря. При этом соотношение сил складывалось в пользу откровенно крепостнических элементов. Поэтому, сознавая объективную необходимость «известного минимума конституционных реформ», царизм в своих попытках осуществления бонапартистского курса неизменно оглядывался на то, «какую меру реформы способны принять „хозяева“ России, господа крупнейшие помещики».²⁰¹ Не только октябристская, но даже столыпинская программа, в частности планы местной реформы, превысили эту меру и были похоронены объединенным дворянством.²⁰²

Эта борьба в правящем лагере развертывалась в условиях сохранения общей революционной ситуации в стране, которая обрекала на неудачу бонапартистский курс Столыпина независимо от того, встречал или не встречал он сопротивление справа. Намеченные им реформы не решали коренных проблем, определявших генеральное направление исторического развития России. Но сопротивление справа столыпинской политике вытекало не из понимания ее бесперспективности, а из желания защитить сиюминутные классовые интересы помещного дворянства. Своим противодействием столыпинскому курсу крайняя реакция не обусловила, но ускорила его крах, сузив возможности маневра в поисках соглашения с буржуазией. Этим она оказала влияние на расстановку сил в неумолимо надвигавшихся событиях нового революционного взрыва.